

Математическій проектъ реформы социологiи на началахъ философскаго идеализма.

Книга П. А. Некрасова: „Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности (пересмотръ основаній соціальной физики Кетле). Изданіе Математическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Математическій сборникъ. Т. XXIII. Москва. Университетская типографія, Страстной бульварь. 1902. Ц. 70 коп. (стр. V—138)“, вызванныя ею споры и ея научно-философское значеніе.

Математика въ семьѣ наукъ всегда пользовалась и доселѣ пользуется почетной и завидной репутаціей образцовой науки по точности ея методовъ и выводовъ, по безспорности содержанія и по отсутствію въ ея исторіи такихъ революцій, не разъ переживавшихся другими науками, которыя бы заставляли всѣ вѣками достигнутыя результаты „вмѣнять яко не бывшіе“ и начинать всю науку сначала;— въ ней каждое новое открытіе, каждый новый методъ лишь обогащаютъ ея содержаніе, расширяютъ сферу ея приложенія и усовершенствуютъ прежніе приемы и методы. Не удивительно поэтому, что она нерѣдко являлась и является для однѣхъ наукъ недосыгаемымъ образцомъ, которому онѣ тщетно пытались подражать (напр., для философіи,— ср. знаменитую книгу Спинозы „Ethica more geometrico demonstrata“), для другихъ— мѣриломъ и залогомъ ихъ научности (напр., естествознаніе постольку приближается къ идеалу научности, поскольку умѣетъ, какъ говоритъ Макуэль, „свести изученіе природы къ опредѣленію величинъ путемъ дѣй-

ствій надъ числами“); и вообще, въ глазахъ образованныхъ людей она пользуется безусловнымъ (нерѣдко, впрочемъ, чисто платоническимъ) уваженіемъ. Отсюда вполне понятно, что голосъ представителей этой науки, обѣщающихъ ея плодотворное приложение въ той или иной научной области, ни въ какомъ случаѣ не можетъ остаться „гласомъ вопіющаго въ пустынь“, а непременно долженъ вызвать разносторонніе отклики и обсуждения. Къ числу такихъ многообѣщающихъ предложеній со стороны математики и принадлежитъ названное выше изслѣдованіе г. Попечителя Московскаго учебнаго округа П. А. Некрасова. Почтенный авторъ, бывшій профессоръ математики и ректоръ Московскаго университета, въ печати извѣстенъ, между прочимъ, курсомъ своихъ лекцій по теоріи вѣроятностей. Близко соприкасается съ этимъ его главнымъ трудомъ и разсматриваемое изслѣдованіе, имѣющее въ виду, по словамъ автора, раскрыть „возможность, благодаря успѣхамъ теоріи вѣроятностей, усовершенствовать логику науки о массовой чело-вѣческой дѣятельности“.

„Потрудившись много, говоритъ онъ, надъ чисто математическими вопросами по теоріи вѣроятностей, а именно — надъ новымъ ученіемъ о вѣроятностяхъ *среднихъ величинъ*, составляющихъ основу для раскрытія въ различныхъ родахъ массовыхъ случайныхъ явленій математической закономерности, я хочу теперь опять вернуться къ теоріи среднихъ величинъ, но съ другою цѣлью. По примѣру Эюсмилляха, Бюффона, Кондорсе, Лапласа и Кетле, я хочу взглянуть на теорію вѣроятностей съ ея дисциплинами, какъ на вѣтвь *логики* точныхъ индуктивныхъ наукъ, имѣющихъ дѣло съ массовыми проявленіями политической, общественной и духовно-нравственной жизни людей, и предполагаю воспользоваться здѣсь успѣхами теоріи вѣроятностей, сдѣланными послѣ Кетле, для *усовершенствованія* этой логики въ соответствующихъ частяхъ. Такое усовершенствованіе сдѣлалось возможнымъ благодаря главнымъ образомъ знаменитому мемуару П. Л. Чебышева: „О среднихъ величинахъ“. Эта усовершенствованная логика вмѣстѣ съ философіей, на которую она опирается, проливаетъ болѣе яркій свѣтъ на философскія категоріи *необходимости, свободы, стѣсненія, причины, вліянія* и *цѣли*, устраняя ту спутанность, какая существо-

вала во взглядахъ на свободу, свободную волю и пр., оцѣнивая напряженіе или степень вліянія числовымъ мѣриломъ, изучая стѣсненія и изоляторы, являющіеся спутниками свободы и независимости, и открывая математическую *закономѣрность* въ *массовыхъ независимыхъ* случайныхъ явленіяхъ свободно-нравственнаго человѣческаго сообщества (стр. 1—2)“.

Какъ и слѣдовало ожидать, такое заманчивое обѣщаніе, идущее, притомъ, отъ представителя такой авторитетной науки, какъ математика, вскорѣ же послѣ появленія книги встрѣтило разносторонніе отзывы и въ печати (сначала въ газетахъ, а потомъ и въ журналахъ) и въ ученыхъ обществахъ; и есть основанія думать, что споры по поднятому авторомъ вопросу еще не скоро прекратятся. Въ самомъ дѣлѣ, изслѣдованіе П. А. Некрасова затрогиваетъ слишкомъ много разностороннихъ научныхъ и даже практическихъ интересовъ, чтобы не послужить въ нѣкоторомъ родѣ яблокомъ раздора для философовъ, соціологовъ, богослововъ, политиковъ, моралистовъ и др. Съ формальной стороны задачей всѣхъ этихъ споровъ было и будетъ—выяснить, въ какой мѣрѣ законы и плодотворны „математическія притязанія“ автора. Собственно научный интересъ только въ этомъ и состоитъ. Но масса методологическихъ и практическихъ интересовъ, связанныхъ съ рѣшеніемъ этого вопроса уже раздвинули и, вѣроятно, еще больше раздвинуть его далеко за его естественные предѣлы. Съ философской точки зрѣнія, — какъ удачно указалъ одинъ изъ противниковъ П. А. Некрасова въ своемъ рефератѣ въ психологическомъ обществѣ (Ф. В. Софроновъ), — затрогивается вопросъ объ отношеніи умозрѣнія къ опыту, о законности или незаконности „наложенія на дѣйствительность умозрительныхъ схемъ“, другими словами, — о правѣ пользоваться умозрительными понятіями при разработкѣ чисто научныхъ проблемъ; крайній взглядъ на этотъ предметъ, формулированный тѣмъ же референтомъ Ф. В. Софроновымъ, состоитъ въ томъ, что „задача философіи — сдѣлать себя ненужной для науки“; само собою понятно, что весьма многіе философы сочтутъ своимъ долгомъ протестовать противъ такой резиньяции и продолжать споръ уже не о тезисахъ П. А. Некрасова, а вообще о задачахъ философіи. Затѣмъ, соціологи

и политико-экономисты, приверженцы т. н. „историческаго матеріализма“, марксисты, вообще представители разныхъ отгѣнковъ позитивизма — будутъ стараться отвергнуть въ неприятной имъ книгѣ и тѣ цѣнныя указанія, которыя въ ней бесспорно есть. Наконецъ, и религіозно-нравственные и политическіе взгляды автора, родственные христіанскому теизму и славянофильству, — хотя они, на нашъ взглядъ, не слишкомъ ужъ прочно связаны съ основной идеей книги, — тоже не могутъ не вызывать нѣкоторой вспышки стариннаго антагонизма, существующаго въ нашемъ образованномъ обществѣ. Все это дѣлаетъ книгу П. А. Некрасова весьма интереснымъ явленіемъ нашего времени, заслуживающимъ болѣе или менѣе внимательнаго ознакомленія съ нимъ.

Философское содержаніе своей книги резюмируетъ самъ авторъ въ тезисахъ, поставленныхъ имъ на обсужденіе Московскаго психологическаго общества 25 января с/г., каковыя тезисы мы и приведемъ немного ниже. Но для полнаго ея пониманія необходимо нѣсколько коснуться и ея математической стороны, въ этихъ тезисахъ почти не затронутой, ¹⁾ а также и того положенія, какое она хочетъ занять относительно исторически опредѣлившихся направленій въ соціологической наукѣ.

Вотъ разъясненія, какія даетъ авторъ относительно основныхъ понятій теоріи вѣроятностей, необходимыхъ для полнаго пониманія его соціологическихъ и философскихъ взглядовъ.

„Къ такимъ понятіямъ, говоритъ онъ, принадлежитъ прежде всего понятіе о вѣроятности случайнаго явленія. Вѣроятность случайнаго явленія *A* опредѣляется на основаніи разсмотрѣнія всѣхъ случаевъ (шансовъ), могущихъ имѣть мѣсто въ томъ данномъ процессѣ, въ которомъ должно осуществиться или не осуществиться случайное явленіе *A*. Если такихъ случаевъ насчитывается *m*, если всѣ они равновозможны и несовмѣстимы въ данномъ процессѣ и если изъ нихъ *n* случаевъ неизбѣжно ведутъ къ осуществленію явленія *A* (какъ причины ведутъ къ слѣдствію), а прочіе *m—n* случаевъ ведутъ къ неосуществленію его, то вѣроятность явленія *A* опредѣляется дробнымъ числомъ $\frac{n}{m}$. Такъ, если

¹⁾ Съ математической стороны работа П. А. Некрасова обсуждалась въ засѣданіи Московскаго математическаго общества 24 сентября 1902 года.

въ урнѣ имѣется m шаровъ, изъ которыхъ n бѣлые, а остальные черные, и если изъ этой урны извлекается на удачу одинъ шаръ, то вѣроятность появленія бѣлаго шара представится числомъ $\frac{n}{m}$ ¹⁾.

Другое основное понятіе, играющее важную роль, есть особое понятіе о независимости случайныхъ явленій, устанавливаемое въ теоріи вѣроятностей. *Два случайныхъ явленія А и В называются независимыми одно относительно другого, если вѣроятность осуществленія одного изъ нихъ не способна измѣняться a posteriori по удостовѣренію осуществленія другого явленія.* Такъ при бросаніи на удачу двухъ монетъ вскрытія орла на той и на другой монетѣ будутъ двумя независимыми явленіями. Точно также въ обстоятельствахъ жизни двухъ лицъ могутъ быть не мало явленій независимыхъ: смерти того и другого лица въ данный срокъ будутъ, примѣръ, вообще явленіями независимыми. Примѣромъ *зависимыхъ* случайныхъ явленій могутъ служить пожары въ двухъ сосѣднихъ домахъ, если дома эти недостаточно хорошо изолированы отъ перехода огня съ одного дома на другой. Точно также заболѣванія двухъ лицъ, бывшихъ въ

1) Чтобы данное здѣсь сжатое опредѣленіе понятія вѣроятности не вызвало какихъ нибудь недоразумѣній у читателей неспеціалистовъ, считаемъ не лишнимъ привести слѣдующія болѣе подробныя и ясныя опредѣленія изъ лекцій П. А. Некрасова: „Посмотримъ, что нужно знать, чтобы выразить вѣроятность ожидаемаго событія *E* числомъ. Будемъ называть обстоятельства, осуществленіе которыхъ неизбежно ведетъ къ осуществленію даннаго событія *E*, *статочностями, благоприятствующими* этому событію; — обстоятельства же, осуществленіе которыхъ ведетъ къ неосуществленію даннаго событія *E*, *статочностями, неблагоприятствующими* этому событію. Чтобы выразить числомъ вѣроятность даннаго событія *E*, нужно опредѣлить статочности какъ благоприятствующія, такъ и неблагоприятствующія этому событію; при чемъ необходимо, чтобы всѣ эти статочности удовлетворяли слѣдующимъ тремъ условіямъ:

1) чтобы всѣ онѣ были *равновѣроятны*, или, какъ принято выражаться, *равновозможны*;

2) чтобы статочности эти были *несовмѣстимы*, т. е. чтобы при осуществленіи одной статочности было невозможно осуществленіе въ томъ же испытаніи какой либо изъ остальныхъ статочностей;

3) чтобы статочности эти были *всевозможны* въ томъ смыслѣ, что при данномъ опытѣ одна изъ этихъ статочностей непременно должна осуществиться“. (Теорія вѣроятностей. Лекціи ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета П. А. Некрасова. Стр. 2—3).

соприкосновеніи, контагіозно-заразною болѣзною будутъ зависимыми случайными явленіями. Требованіе съ угрозой и исполненіе этого требованія, подстрекательство къ преступленію подкупомъ или уговоромъ и совершеніе преступления, братская или товарищеская просьба и ея исполненіе, приказаніе начальства и исполненіе этого приказанія, наставленіе учителя и поведеніе ученика — все это суть явленія попарно зависимыя. Зависимость одного изъ двухъ случайныхъ явленій отъ другого иначе будемъ называть *вліяніемъ* второго на первое. Характеръ зависимости (вліянія), какъ показываютъ вышеприведенные примѣры, весьма различенъ. Въ этихъ примѣрахъ мы видимъ зависимость *физическую, фізіологическую, психологическую* и, наконецъ, *духовно-нравственную*. Въ двухъ зависимыхъ случайныхъ явленіяхъ можно различать *степень* взаимной зависимости“ (стр. 17—18).

Далѣе авторъ устанавливаетъ понятія о *стаціонарномъ* и *нестационарномъ* процессѣ и о зависимости стаціонарной и нестаціонарной. При „предположеніи *постоянства* доступныхъ познающему уму достовѣрныхъ условій того процесса, къ которому принадлежатъ случайныя явленія А и В, самый процессъ называется *стаціонарнымъ*, и зависимость при такихъ обстоятельствахъ—стаціонарною.... Стаціонарная зависимость и стаціонарная независимость могутъ принадлежать къ *состоянію* познаемаго человѣка и въ такомъ случаѣ могутъ живо имъ ощущаться. Здравомыслящій человѣкъ сообразуетъ свое поведеніе съ подобными состояніями. При этомъ человѣкъ, чувствующій свою зависимость отъ данныхъ обстоятельствъ, способенъ подъ впечатлѣніемъ свѣдѣній, полученныхъ относительно этихъ обстоятельствъ, переживать переоцѣнку своего состоянія, связанную въ сущности съ бессознательною переоцѣнкою вѣроятностей. Если, на примѣръ, человѣкъ гуляетъ въ лѣсу и испытываетъ спокойное состояніе личной безопасности, то лишь до тѣхъ поръ, пока онъ увѣренъ въ этой безопасности; но это состояніе его немедленно измѣняется, если онъ узнаетъ объ опасности и даже если онъ только заподозритъ опасность. Точно также рабъ чувствуетъ стаціонарную зависимость отъ господина, преступникъ переживаетъ стаціонарную зависимость отъ суда, отъ полиціи и пр.“ (стр. 18—19). Но „въ естественномъ ходѣ вещей *условія* каждаго процесса, досто-

вѣрно извѣстныя познающему уму, съ теченіемъ времени и обстоятельствъ ... могутъ измѣняться, нарастая въ ту или другую сторону и влияя на вѣроятности свойственныхъ процессу случайныхъ явленій, подлежащія переоцѣнкѣ. Такой процессъ назовемъ *нестационарнымъ*. Если В есть явленіе, представляющее *измѣненіе* или *нарастаніе* данныхъ условій разсматриваемаго процесса, и А есть свойственное этому процессу случайное явленіе; то случайное явленіе А будемъ считать *зависимымъ* (нестационарно) отъ явленія В, если его вѣроятность *измѣняется* вслѣдствіе наступленія явленія В. Если же эта вѣроятность *не измѣняется* при наступленіи явленія В, то случайное явленіе А будемъ называть *независимымъ* (нестационарно) отъ явленія В (стр. 19—20)¹⁾.

Слѣдующимъ основнымъ понятіемъ теоріи вѣроятностей является понятіе *последствія*. „Вліяніе, говоритъ авторъ, не ведетъ къ своимъ результатамъ фатально, тогда какъ причина фатально ведетъ къ слѣдствію.²⁾ Вліяніе, можно сказать, *эластично*, т. е. способно измѣнять свое напряженіе отъ независимости (отъ нуля) до фатальной необходимости и притомъ по двумъ направленіямъ: положительному и отрицательному. Результатъ вліянія, оцѣниваемаго указаннымъ мѣриломъ, будемъ называть *последствіемъ*, отличая послѣдствіе отъ слѣдствія. Оцѣнка напряженія и качества (направленія) вліянія особенно важна въ области психическихъ вліяній, вызывающихъ разныя послѣдствія“ (стр. 23).

Наконецъ, слѣдуетъ также отмѣтить упоминаемое авторомъ понятіе *нравственной достовѣрности*. „Нравственно до-

1) „Числовая величина нестационарнаго вліянія явленія В на случайное явленіе А выражаетъ степень или напряженіе вліянія: она должна быть *нулемъ*, если явленіе А независимо отъ В; а затѣмъ эта числовая величина можетъ измѣняться по мѣрѣ усиленія вліянія В на случайное явленіе А. Это усиленіе вліянія можетъ совершаться по двумъ направленіямъ: положительному и отрицательному, такъ какъ оно можетъ простирается до того или другого изъ двухъ крайнихъ случаевъ фатальной необходимости: либо до *неизбѣжности*, либо до *невозможности* осуществленія случайнаго явленія А при осуществленіи явленія В. Въ этихъ крайнихъ случаяхъ явленіе В бываетъ *причиною* либо осуществленія, либо неосуществленія явленія А“ (стр. 21).

2) Въ отличіе отъ логическаго *слѣдствія* (consequentia) изъ *основаній* (rationes), результатъ причины (causa) лучше-бы называть *дѣйствіемъ* (effectus). П. Т.

стовѣрныя заключенія теоріи вѣроятностей, говоритъ авторъ, имѣютъ безконечно малые шансы иногда не осуществиться; эти шансы однако такъ малы, что неосуществленіе нравственно-достовернаго заключенія казалось бы почти чудомъ“ 1).

Что касается отношенія П. А. Некрасова къ исторически опредѣлившимся направленьямъ въ разработкѣ социологіи, то онъ является горячимъ противникомъ позитивизма и таковымъ же приверженцемъ идеализма. „Математики, физики, астрономы, естествоиспытатели вмѣстѣ съ философами и теологами, говоритъ онъ, создали въ логикѣ точныхъ наукъ особый отдѣлъ, связанный съ теоріей вѣроятностей и способный проливать свѣтъ на проявленія политической, общественной и духовно-нравственной дѣятельности самого человѣка. До Кетле эта логическая дисциплина вмѣстѣ съ ея приложениями развивалась правильнымъ, успѣшнымъ путемъ. Паскаль, Фермать, Яковъ Бернулли, Джонъ Граунтъ, Лейбницъ, Эдмундъ Галлей, священникъ Зюссмильхъ, Даниль Бернулли, Бюффонъ, Кондорсе, Лангранжъ, Лапласъ, Коши, Фурье, много другихъ предшественниковъ и современниковъ Кетле и самъ Кетле успѣшно работали надъ усовершенствованіемъ, съ одной стороны, математическихъ дисциплинъ и въ томъ числѣ теоріи вѣроятностей, а съ другой,—надъ созданіемъ точной индуктивной науки о чело-

1) Въ своихъ лекціяхъ П. А. Некрасовъ поясняетъ понятіе о нравственной достоверности слѣдующимъ примѣромъ. „Пусть на горизонтальную плоскость бросается безконечно тонкая игла АВ. Опредѣлить вѣроятность того, что эта игла, остановившись, приметъ направленіе, непараллельное данной линіи MN“. Нетрудно доказать, что изъ безконечнаго числа статочностей, т. е. возможныхъ направлений, которыя приметъ упавшая на плоскость игла, только двѣ не благопріятствуютъ разсматриваемому событію: изъ безконечнаго множества угловъ, подъ которыми игла можетъ быть наклонена къ данной заранѣе на плоскости линіи, только два угла—въ 0° и въ 180° выражаютъ направленіе, параллельное данной линіи; всѣ же остальные ∞ —2 угловъ выражаютъ требуемое задачей непараллельное направленіе;—слѣдовательно, вѣроятность разсматриваемаго событія будетъ въ предѣлѣ—1. „Тѣмъ не менѣе, прибавляетъ авторъ, нельзя считать абсолютно достовернымъ того, что разсматриваемое событіе осуществится, т. е. игла АВ ляжетъ непараллельно MN. Событіе это *нравственно достоверно*. Можно держать какое угодно пари съ надеждой почти на вѣрный выигрышъ, но нельзя абсолютно утверждать, что событіе это непременно осуществится“ (Теорія вѣроятностей, стр. 11).

вѣческой дѣятельности, и помогли улучшенію участи чело-
вѣка содѣйствіемъ созданію гуманнѣхъ по цѣли общеплез-
ныхъ учрежденій.

При этомъ до Кетле индуктивная наука о челоувѣкѣ, бла-
годаря непорванной связи не только съ математикой, но и съ
ея философійю, самыми крупными представителями которой
были Декартъ, Паскаль и Лейбницъ, быстро переносила вся-
кій успѣхъ теоріи вѣроятностей въ практику, находя ему
надлежащее примѣненіе въ сферѣ челоувѣческой дѣятель-
ности. Лейбницъ далъ своею монадологіей возможность при-
нимать во вниманіе въ числѣ силъ психику особей (монадъ)
и расширять предѣлы точнаго знанія въ эту важнѣйшую
сторону идеализма. Эта связь точной математической логики
и ея философіи съ индуктивной наукой о челоувѣкѣ ожив-
ляла и двигала эту науку въ такой же мѣрѣ, какъ другіе
отдѣлы точной индуктивной науки.

Такъ было до Кетле, а потомъ обстоятельства существенно
измѣнились. Вскорѣ идеями Кетле заинтересовались юбшир-
ные образованные классы, а въ особенности историки, ста-
тистики и юристы, какъ близко стоящіе къ проявленіямъ
челоувѣческой дѣятельности. Это любознаніе образованныхъ
классовъ удовлетворялось однако не изъ первоисточниковъ,
а въ болѣе популярномъ изложеніи. Бокль посредствомъ
своей знаменитой „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ позна-
комилъ съ идеями Кетле историковъ, а Берлинскій профес-
соръ Адольфъ Вагнеръ посвятилъ въ эти идеи статистик-
овъ и юристовъ. Къ несчастію, эти талантливые популя-
ризаторы и ихъ многочисленные послѣдователи, мало зна-
комые съ подходящими къ дѣлу философійю и логикой (ка-
кими были философія Декарта, Паскаля и Лейбница и теорія
вѣроятностей), увлеклись позитивною логикой съ ея
философійю.

Эта послѣдняя логика—по преимуществу діалектико-эм-
пирическая, созданная лицами, не владѣвшими математиче-
скимъ умозрѣніемъ и избѣгавшими его. Она чрезмѣрно
налегала на эмпирическую сторону, не умѣя облечь свои
сырые фактическіе матеріалы въ точную форму, а при по-
пыткахъ объединенія часто отвергала самыя главныя силы
и возводила въ роль главныхъ факторовъ условія внѣш-
няго сходства и второстепенныя обстоятельства.

Чтобы увидеть ту пропасть, которая послѣ такого разрыва стала отдѣлять прежнее направленіе индуктивной науки о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности отъ новаго, достаточно сказать, что ранѣе Стюарта Милля позитивизмъ не пользовался теоріей вѣроятностей и въ лицѣ Огюста Конта возставалъ противъ подобныхъ математическихъ дисциплинъ, а затѣмъ и Милль сначала совсѣмъ исключилъ теорію вѣроятностей изъ своей „Системы логики“, причисливъ ее къ заблужденіямъ, и лишь потомъ (въ позднѣйшемъ изданіи) допустилъ ея обрывки, а его послѣдователи пошли далѣе, воспользовавшись трудами Кетле. Но это, конечно, не могло поправить сущности дѣла вслѣдствіе глубочайшей философской разности прежняго и новаго направленія.....

...Въ результатѣ этого разрыва связи индуктивной науки о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности съ прежнимъ идеалистическимъ направленіемъ произошло слѣдующее. Теорія вѣроятностей и тѣ ея апріорныя схемы, которыя могли бы послужить съ пользою для успѣховъ точной индуктивной науки о человѣкѣ, сдѣлали послѣ Кетле дальнѣйшіе крупные шаги; но эти результаты, извѣстные лишь ограниченному кругу математиковъ, около полустолѣтія почти не получаютъ примѣненія въ наукѣ о человѣкѣ. Въ то же самое время въ наукѣ о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности и въ ея примѣненіяхъ къ жизни производится обширная и энергичная работа - ломка, полная горячаго увлеченія, но не только не всегда производительная, а подчасъ прямо даже вредная, какъ опирающаяся на ошибочныя предпосылки и ведущая къ утопіямъ. Въ этой кипучей работѣ послылки соціальной физики Кетле приняты безъ надлежащей критики, такъ что ни одной существенной ошибки въ воззрѣніяхъ Кетле не было исправлено; всѣ эти воззрѣнія даже ломались съ другою цѣлю: они облекались въ позитивную окраску, съ которою Кетле, ученикъ Лапласа и сторонникъ философскаго идеализма, не имѣлъ ничего общаго; на выводы наклеивались позитивистскіе ярлыки; подысканъ для Кетле предшественникъ въ лицѣ Огюста Конта, не смотря на то, что „соціальная физика“ Кетле и соціологія Конта исходили изъ существенно различныхъ философскихъ и логическихъ основъ. Въ такомъ противоестествен-

номъ сочетаніи наука о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности распространилась въ широкихъ образованныхъ кругахъ историковъ и юристовъ и привлекла болѣе довѣрчивыхъ къ увлеченію утопіями, а болѣе скептическихъ къ чувству разочарованія вслѣдствіе явныхъ практическихъ неудачъ и научнаго застоя“ (стр. 3—6).

Взгляды Кетле авторъ не принимаетъ вполнѣ догматически. Онъ указываетъ у Кетле двѣ крупныхъ ошибки, которыя и предлагаетъ исправить. Первую ошибку онъ видитъ въ томъ, что „значеніе многихъ важныхъ силъ, напимѣръ, силъ моральныхъ и интеллектуальныхъ, у Кетле обезцѣнивается зачисленіемъ ихъ въ разрядъ причинъ пертурбаціонныхъ или случайныхъ, которыя въ итогѣ *стусевываются*. Напротивъ, силы фізіологическія и физическія, какъ дѣйствующія постоянно, получаютъ слишкомъ высокую оцѣнку въ своемъ вліянніи на массовый процессъ“. Вторую ошибку Кетле авторъ видитъ въ его допущеніи, что „регулярность массоваго общественнаго процесса является послѣдствіемъ лишь *большого числа*, которое какимъ то чудомъ непременно создаетъ закономѣрно дѣйствующій въ отношеніи случайныхъ явленій соціальныи организмъ“ (стр. 84—85).

Обращаясь теперь къ „философскимъ и логическимъ основаніямъ“ проектируемой П. А. Некрасовымъ „соціальной физики“, мы признаемъ за лучшее, какъ сказали выше, изложить это содержаніе его книги въ тезисахъ, сформулированныхъ имъ самимъ для обсужденія въ психологическомъ обществѣ.

Вотъ эти тезисы:

„1. Познавательныя средства соціальной физики или науки о массовыхъ общественныхъ проявленіяхъ человѣческаго бытія и жизнедѣятельности отличаются особеннымъ богатствомъ. Такъ какъ къ основнымъ единицамъ этой физики принадлежить и самъ познающій человѣкъ, то онъ можетъ постигать свойства ихъ не только внѣшнимъ опытомъ, но и внутреннимъ. Эта особенность дѣлаетъ соціальную физикау, по сравненію съ другими науками (какъ-то: физикой, химіей, біологіей), болѣе богатую понятіями, доступными непосредственной психологической повѣркѣ.“

„2. При такой ясности понятій нѣкоторая отсталость развитія въ XIX вѣкѣ соціальной физики по сравненію съ ходомъ

развитія другихъ наукъ представляетъ явленіе ненормальное, вызванное переходящими причинами и подлежащее устраненію при помощи болѣе совершенной научной методологіи (логики). Этою отсталостью только и можно объяснить стремленіе XIX вѣка къ матеріалистическому истолкованію духовныхъ свойствъ человѣка, вызванное, очевидно, частью чрезвычайно быстрыми успѣхами физическихъ и техническихъ знаній, частью экономической борьбою. Соціальная наука пошла даже путемъ лишь подражанія другимъ наукамъ (какъ въ аналогіяхъ Спенсеровской социологіи), тогда какъ она скорѣе должна бы сдѣлаться богатѣйшимъ по содержанію образцомъ для другихъ наукъ во многихъ отношеніяхъ.“

„3. Соціальная физика строить свои выводы на данныхъ физиологіи и психологіи человѣка, получая свѣдѣнія о психическихъ свойствахъ человѣка главнымъ образомъ изъ внутренняго опыта. Эти психологическія данныя соціальная физика включаетъ въ свои умозрительныя схемы для изслѣдованія явленій, происходящихъ на аренѣ общественной дѣятельности людей, а затѣмъ повѣряетъ эти схемы статистическимъ и историческимъ наблюденіемъ, т.-е. смотритъ на охватываемыя этими апіорными схемами явленія чрезъ другое гносеологическое окно (внѣшній опытъ). Такимъ образомъ, соціальная физика создаетъ условія для особаго соціально-психологическаго эксперимента, провѣряющаго, исправляющаго и обогащающаго самую психологію. Этотъ экспериментъ, соединенный съ широкимъ, но осторожнымъ и точнымъ умозрѣніемъ, способенъ, слѣдовательно, создать благотворное научное движеніе сразу въ двухъ тѣсно связанныхъ областяхъ гуманитарнаго знанія: 1) въ психологіи и 2) въ соціальной физикѣ.“

„4. Логика соціальной физики должна опираться на философское и математическое умозрѣніе и наблюденіе. При этомъ она должна шире воспользоваться умозрительными дисциплинами теоріи вѣроятностей, примѣняя ихъ тамъ, гдѣ дѣйствуютъ сокровенные мотивы и разныя причины, недоступныя познающему уму. Эти умозрительныя дисциплины способны включать въ кругъ изслѣдованія всѣ важнѣйшія понятія, связанные съ существомъ человѣка.“

„5. Въ основѣ математическаго умозрѣнія, обнимаемаго теоріей вѣроятностей, лежитъ философскій детерминизмъ Лейбница и Лапласа, выражаемый въ формулѣ: *нѣтъ двѣдствія безъ*

причины. Отношеніе этой аксіомы къ понятію о свободной волѣ опредѣлено у Лапласа такими словами: „Самая свободная воля не можетъ безъ опредѣляющаго мотива породить дѣйствія, такъ какъ если при всѣхъ совершенно одинаковыхъ двухъ положеніяхъ она дѣйствовала бы въ одномъ случаѣ и удерживалась бы дѣйствовать въ другомъ, то ея выборъ былъ бы слѣдствіемъ безъ причины: она была бы тогда, говорить Лейбницъ, слѣпою случайностью эпикурейцевъ“.

Въ свойствахъ свободной воли заключенъ творческій сверх-физическій принципъ и притомъ весьма различный по его могуществу, зависящему отъ личныхъ силъ и свойствъ. Это личное могущество мыслимо и въ безконечной степени, какъ всемогущество Божества теистическихъ міровоззрѣній.“

„6. Въ основахъ теории вѣроятностей играетъ важную роль также индетерминизмъ, съ которымъ (какъ и съ детерминизмомъ) связано даже самое опредѣленіе вѣроятности. Этотъ индетерминизмъ по отношенію къ свободной волѣ опредѣляетъ самое ея могущество сообразно количеству и роду возможныхъ для нея рѣшеній въ ея актахъ. Но индетерминизмъ воли относится лишь къ этимъ возможностямъ; а если бы индетерминизмъ обнаруживался въ самыхъ актахъ свободной воли, то это возможно лишь въ субъективномъ или относительномъ смыслѣ. Такой относительный индетерминизмъ актовъ свободной воли бываетъ либо индифферентизмомъ, предоставляющимъ добровольно окончательное опредѣленіе дѣйствія другимъ факторамъ, либо признакомъ истощенія силъ существа, бѣдности его духовнаго содержанія въ отношеніи этого самаго акта и подчиненности этого существа въ данномъ случаѣ другимъ силамъ, напримѣръ, другимъ болѣе одареннымъ средствами и болѣе способнымъ къ мотиваціи существамъ. Такъ какъ притомъ въ обоихъ случаяхъ этой дилеммы всегда находится въ міропорядкѣ посторонняя причина, опредѣляющая дѣйствіе, то этотъ субъективный или относительный индетерминизмъ объективно и абсолютно переходитъ всегда въ детерминизмъ.“

По отношенію къ возрастающему по степени могущества ряду личныхъ состояній свободной воли это сочетаніе индетерминизма съ детерминизмомъ сохраняетъ постоянно свою философскую силу, и лишь въ предѣлѣ, въ безконечномъ могуществѣ Безусловнаго, т.-е. Божества, говорить о неизбѣж-

ности такого сочетанія детерминизма съ индетерминизмомъ нѣтъ основанія.“

„7. Сочетаніе детерминизма съ индетерминизмомъ, разсматриваемое въ теоріи вѣроятностей, можно назвать свободнымъ детерминизмомъ. Этотъ детерминизмъ не имѣетъ ничего общаго съ фатализмомъ материалистовъ и позитивистовъ, такъ какъ онъ не упраздняетъ творческихъ свободныхъ силъ, дѣйствующихъ въ мировомъ процессѣ, и представляетъ собою вмѣстѣ съ классификаціей бытія по родамъ и видамъ лишь методологическій принципъ, необходимый для яснаго и связнаго пониманія этого процесса. Помимо этого принципа научное познаніе не возможно.“

„8. То „я“, которое составляетъ психику человѣка, имѣетъ различныя стороны, представляющіяся какъ психическія силы, относящіяся къ областямъ сердца (моральныя) и ума (интеллектуальныя) и участвующія въ мотиваціяхъ свободной воли. Свободная воля есть заключительный актъ этихъ силъ, и въ этомъ смыслѣ она въ каждомъ своемъ актѣ можетъ быть названа равнодѣйствующею всѣхъ психическихъ силъ духовно разумнаго существа.“

„9. Соціальная физика, прибѣгая къ математическому умозрѣнію, принимаетъ во вниманіе всѣ вліяющіе факторы и условія общественной жизни, стремясь всѣми силами постигнуть прежде всего достовѣрную причинную связь явленій и лишь при недоступности для познающаго ума причинъ какого-либо явленія примѣняя теорію вѣроятностей. Слѣдовательно, теорія вѣроятностей имѣетъ значеніе въ изслѣдованіи результатовъ дѣйствія непостигнутыхъ причинъ, результатовъ, связанныхъ съ сокровенными и иногда съ самыми возвышенными свойствами и сторонами человѣческаго существа.“

„10. Въ соціальныхъ отношеніяхъ своихъ каждый человѣкъ руководится инстинктивно умозрѣніями теоріи вѣроятностей. Каждый человѣкъ чувствуетъ и признаетъ, напримѣръ, во взаимныхъ отношеніяхъ людей тайны ихъ психики, а по тому умозрительно оцѣниваетъ соціальное состояніе свое и своихъ согражданъ лишь посредствомъ предположеній, иногда достовѣрныхъ, а чаще болѣе или менѣе возможныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообразуетъ поведеніе свое съ этою оцѣнкою и съ собственною своею нравственною и физическою природою. Такимъ образомъ устанавливается взаимное вліяніе людей другъ на

друга. Точно такъ же каждый человекъ чувствуетъ и признаетъ тайны природы, что и устанавливаетъ различныя вліянія и взаимодействие между нимъ и природою. Во всѣхъ этихъ случайностяхъ человѣческой умъ дѣлаетъ оцѣнку и сообразуетъ съ нею свои дѣйствія, поступая какъ воинъ на полѣ сраженія, который то идетъ впередъ, овладѣвая этимъ полемъ, то ищетъ прикрытія, то падаетъ пораженный.

Всѣ эти основанныя на здоровомъ смыслѣ и примѣняемыя часто лишь по инстинкту умозрѣнія каждого лица, дѣйствуютъ въ немъ какъ *интеллектуальная* активная сила, соединяясь съ этическими, эстетическими и прочими сторонами его существа. Эти умозрѣнія можетъ разсматривать и теорія вѣроятностей, которая перелагаетъ ихъ на счеты, давая точное *мѣрило* для оцѣнки напряженія и направленія (по цѣлямъ) всякихъ вліяній, связанныхъ съ понятіемъ о случайности.

По напряженію своему данное вліяніе бываетъ различнымъ, начиная независимостью даннаго дѣйствія лица отъ даннаго вліянія окружающей среды и кончая тою или другою изъ двухъ видовъ необходимости: либо неизбѣжностью даннаго дѣйствія, либо невозможностью его.“

„11. Въ области соціально - психическихъ явленій играютъ роль въ качествѣ условій, опредѣляющихъ сферы независимости и сферы вліянія каждого лица, *моральные* или *эстетико-этическіе* элементы, въ число которыхъ входятъ эгоистическій, утилитарно-альтруистическій и аскетическо-нравственный принципы. Вместе съ этими принципами въ соціальной физикѣ получаютъ огромное значеніе связанныя съ ними понятія о цѣляхъ, о пользѣ и вредѣ, о любви и ненависти, о добрѣ и злѣ и о законахъ нравственномъ и гражданскомъ, нормирующихъ съ точки зрѣнія этихъ понятій соціальныя отношенія, предустанавливающихъ цѣли и дѣйствующихъ въ соціальной физикѣ въ качествѣ вліяющихъ моральныхъ психосиловыхъ условій или постулатовъ.“

„12. Кромѣ психическихъ моральныхъ и интеллектуальныхъ вліяній людей другъ на друга, каждый человекъ подверженъ физическимъ и физиологическимъ вліяніямъ, зависящимъ отъ племенныхъ, климатическихъ, экономическихъ и другихъ условій и обстоятельствъ. Эти вліяющіе факторы природы, дѣйствующие фатально, при современномъ состояніи и усѣхахъ знанія содержатъ въ себѣ все менѣе и менѣе тайнъ и сами

по себѣ рѣже нуждались бы въ примѣненіи теоріи вѣроятностей, если бы въ социальной физикѣ, эти вліяющіе факторы не переплетались съ психическими вліяніями, которыя борются иногда съ фатальными силами природы. Эти фатальныя силы не всегда подавляютъ человѣка, сами часто повинуются волѣ человѣка, получаютъ лишь служебное значеніе, уступая первенствующую роль проявленіямъ активной психической силы человѣка.“

„13. Основной социальнo-психическій законъ *стаціонарнаго состоянія* массоваго общественнаго процесса вытекаетъ изъ теоремы Чебышева о среднихъ величинахъ и характеризуетъ массовыя проявленія нестѣненной дѣятельности свободной воли. Этотъ законъ, эмпирически подтверждаемый статистикою моральныхъ явленій, можно выразить такъ:

Въ стаціонарномъ массовомъ общественномъ процессѣ случайныя явленія, представляющія результаты нестѣненной дѣятельности свободной воли, будучи взаимно независимы, именно въ силу этой независимости должны изъ года въ годъ повторяться въ одинаковыхъ приблизительно итогахъ. Если съ этими массовыми случайными явленіями связаны опредѣленныя соответственныя числа, то и среднія арифметическія этихъ чиселъ должны повторяться изъ года въ годъ приблизительно въ однихъ и тѣхъ же величинахъ.“

„14. Социально-психическіе законы *нестаціонарнаго состоянія* массоваго общественнаго процесса теоретически получаютъ труднѣе. При установленіи этихъ законовъ и именно при изслѣдованіи условий устойчивости и неустойчивости состоянія и развитія каждаго социальнаго организма важное значеніе имѣетъ слѣдующій психологическій постулатъ:

По моральному направленію своему человеческая воля консервативна; перемѣны этого направленія составляютъ особый нелегко совершающійся переворотъ въ личной жизни.

Этотъ основной постулатъ вытекаетъ изъ понятія о свободной волѣ, составляемаго на основаніи внутренняго наблюденія: отсутствіе консервативности или твердости воли, выражающееся въ постоянныхъ колебаніяхъ ея направленія, не мирится съ понятіемъ о свободной волѣ и называется безволіемъ. Свободная воля отстаиваетъ свое направленіе болѣе или менѣе упорно, иногда, несмотря ни на какія вліянія и

воздѣйствія. Консервативность свободной воли подтверждается въ соціальной физикѣ эмпирически. Такъ, статистика моральныхъ явленій, выполненная въ связи съ тою нестационарностью общественного процесса, которая обусловлена колебаніями хлѣбныхъ цѣнъ, обнаруживаетъ, что съ пониженіемъ цѣны хлѣба хотя и уменьшается число кражъ, но увеличивается число преступленій противъ личности; а это показываетъ, что и накормленный носитель преступной воли не исправляется, а продолжаетъ проявлять свою преступную волю.

Консервативность свободной воли однако не безгранична. Въ соціальной жизни бываютъ даже иногда моменты усиленнаго скопленія коллизій, составляющихъ перемѣну направленія воли гражданъ, и въ такихъ случаяхъ общество переживаетъ особую психическую нестационарность, представляющую перевороты общественной жизни.“

„15. Примѣненіе вѣсѣхъ вышеуказанныхъ философскихъ и математическихъ умозрѣній и связанныхъ съ ними наблюденій къ различнымъ задачамъ соціальной физики открываетъ въ явленіяхъ общественного организма особую соціальную гармонию, являющуюся лишь частнымъ случаемъ универсальной регулярности или гармоніи, понятіе о которой сложилось въ умахъ Лейбница и другихъ философовъ и которая реально проявляется въ законахъ вселенной. Въ уясненіи характера какъ соціальной, такъ и универсальной гармоніи играютъ роль, во-первыхъ, различныя обособленія (изоляция) процессовъ и, во-вторыхъ, нѣкоторое объединеніе обособленныхъ процессовъ. Познающій умъ съ одной стороны усматриваетъ не только личную *обособленность* своего „я“, данную во внутреннемъ и внѣшнемъ опытѣ, но также данную лишь во внѣшнемъ опытѣ обособленность другихъ живыхъ индивидуумовъ, занимающихъ различный рангъ во вселенной. Сверхъ того существуетъ пассивная обособленность различныхъ неживыхъ процессовъ. Съ другой стороны познающій умъ видитъ въ міровомъ порядкѣ *объединеніе* обособленныхъ процессовъ (живыхъ и неживыхъ), выражающееся во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ. Эти взаимныя отношенія суть вліянія, опѣнчиваемыя, какъ выше уже сказано было, въ теоріи вѣроятностей числовымъ мѣриломъ. Такимъ образомъ, именно въ указанныхъ выше какъ обособленіяхъ (изоляцияхъ, стѣсненіяхъ), такъ и объединеніяхъ и заложены начала частью независимости

(для живыхъ существъ свободы), частью фатальной необходимости и частью такой зависимости, которая занимаетъ промежуточное положеніе между независимостью и необходимостью.“

„16. Фатальная связь причины со слѣдствіемъ составляетъ не единственный видъ регулярности, въ которой выражается универсальная гармонія. Ученіе о среднихъ величинахъ, въ центрѣ котораго стоитъ знаменитая теорема Чебышева, приводящая въ предѣлѣ къ достовѣрнымъ заключеніямъ о массовыхъ *независимыхъ* случайныхъ явленіяхъ, представляетъ другую форму регулярности, относящейся къ универсальной гармоніи. Такимъ образомъ, въ міровомъ порядкѣ регулярность выражается двойко: не только въ точныхъ *фатальныхъ* законахъ (связанныхъ съ необходимостью), но и въ точныхъ *свободныхъ* законахъ (связанныхъ съ независимостью и осуществляющихся въ массовыхъ явленіяхъ). Къ точнымъ свободнымъ законамъ психики относятся между прочимъ законы массовыхъ проявленій нестѣсненной дѣятельности свободной воли, имѣющіе мѣсто въ стаціонарномъ массовомъ социальномъ процессѣ и вполне подтверждаемые статистикою моральныхъ явленій. Теорію вѣроятностей, которая открываетъ эту *двустороннюю* регулярность въ міровомъ порядкѣ, по справедливости можно было бы назвать теоріей универсальной гармоніи.“

„17. Мысль объ этой универсальной гармоніи можетъ быть съ успѣхомъ противопоставлена увлеченію матеріализаціей духовно-нравственныхъ свойствъ человѣка, господствовавшему въ XIX вѣкѣ,—увлеченію, которое отличается узостью взгляда и противоестественностью и которое въ глазахъ его послѣдователей казалось заманчивымъ, благодаря единству (монизму) вносимому имъ въ міровоззрѣніе. Но этому матеріалистическому монизму можно противопоставить болѣе широкій монизмъ психическій, допускающій творческіе акты воли, а потому наилучшимъ образомъ объясняющій непонятную безъ этого творчества эволюцію и прогрессъ.“

„18. Этотъ психическій монизмъ данъ въ монадологіи Лейбница и въ сходныхъ съ нею системахъ. Монадологія содержитъ въ себѣ философскія начала для умозрительнаго изученія вышеуказанныхъ обособленій и объединеній, существующихъ въ міропорядкѣ и приводящихъ къ универсальной гармоніи. Эти начала вмѣстѣ съ умозрительными дисциплинами теоріи вѣроятностей даютъ возможность построить исключи-

тельно на психикѣ монадъ соответствующее міровоззрѣніе, которое назовемъ *свободномонистическимъ* (противопологая его фатальномонистическому или материалистическому).

Возникаетъ вопросъ, какъ объяснить на основаніи этого міровоззрѣнія механикоподобные процессы. Возможны и дѣйствительно существуютъ въ опытѣ социальной гармоніи, во-первыхъ, такіе механикоподобные психическіе процессы, которые совершаются въ силу добровольнаго или принудительнаго повиновенія нѣкоторому исключаящему свободу императиву (приказу, общепринятому обычаю и т. п.). Но въ психическомъ мірѣ возможны и другого рода механикоподобные процессы, важные для объясненія характера всей универсальной гармоніи. Для осуществленія этихъ механикоподобныхъ монадологическихъ процессовъ не нужно какого-либо невѣроятнаго договора или принужденія всѣхъ особей или монадъ всей вселенной дѣйствовать въ извѣстныхъ случаяхъ однообразно механически въ разныхъ концахъ міра, но достаточно, чтобы особи эти носили въ себѣ внутренней духовный законъ причинности, выражающійся въ психическихъ актахъ воли, и чтобы затѣмъ воля каждой особи обладала въ извѣстной сферѣ независимостью. Эти независимыя дѣйствія и приведутъ въ массовыхъ результатахъ къ свободнымъ точнымъ законамъ, столь же непреложнымъ, какъ механическіе законы физики. Такимъ образомъ, духовная независимость или свобода способна породить особую механикоподобную регулярность."

„19. Основанное на монадологіи свободномонистическое міровоззрѣніе даетъ выходъ во всѣ стороны бытія. Оно обнимаетъ не только дуализмъ Аристотеля и Декарта, но и плюрализмъ, выражающійся въ явленіяхъ физическихъ, химическихъ, биологическихъ, социальныхъ и т. д. Н. В. Бугаевъ говоритъ ¹⁾: „Монадологическое міросозерпаніе не противорѣчитъ наукѣ, основывается на ней и идетъ рука объ руку съ идеальными задачами этики, социологіи и со всеми глубочайшими ученіями о Безусловномъ“.

„20. Указанное свободномонистическое міровоззрѣніе, какъ зыждующееся на духовномъ началѣ, лучше, шире и естественнѣе объясняетъ конкретную универсальную гармонію и мо-

¹⁾ Н. В. Бугаевъ, „Основы [эволюціонной монадологіи“. Изъ журнала: „Вопросы философіи и психологіи“. Москва. 1893.

рально-интеллектуальный прогрессъ, нежели фатально-монистическое міровоззрѣніе съ его непостижимою эволюціей. Свободно-монистическое міровоззрѣніе болѣе мирится и съ чувствомъ человѣка, а потому легко воспринимается сердцемъ и вѣрою. Но это міровоззрѣніе сложнѣе, а потому оно труднѣе воспринимается чистымъ умозрѣніемъ, что и служитъ тормозомъ для распространенія его не только среди полуинтеллигенціи, но и той высокообразованной интеллигенціи, которая слишкомъ зарылась въ отдѣльныя специальности, изучая ихъ оторванными отъ великаго цѣлаго и преувеличивая ихъ значеніе.

Эта болѣе высокая сложность свободномонистическаго міровоззрѣнія математически характеризуется тѣмъ, что законы свободномонистической гармоніи требуютъ для своего выраженія не только уравненій и анализа непрерывныхъ измѣненій величинъ, связанныхъ между собою лишь уравненіями, но и понятій о прерывномъ, изучаемомъ помощію аритмологическихъ сочетаній ¹⁾ и неравенствъ. Такое осложненіе вытекаетъ изъ несовмѣстности свободы съ уравненіями, посредствомъ которыхъ выражаются лишь фатальные законы. Свобода исключается уравненіями и можетъ быть математически выражена лишь аритмологическими сочетаніями и неравенствами.“

„21. Эта сложность математическихъ умозрѣній однако не можетъ быть причиною отказа отъ свободномонистическаго міровоззрѣнія въ научныхъ изслѣдованіяхъ, тѣмъ болѣе, что при затрудненіяхъ облечь какую-либо часть свободномонистической гармоніи въ точныя формулы, соответствующія данной конкретной области, это міровоззрѣніе не препятствуетъ пользоваться и *эмпирическими* приемами изслѣдованія, которые могутъ индуктивно привести въ послѣдствіи къ точнымъ формуламъ. Эти эмпирическіе законы получаютъ лишь другую философскую оцѣнку по сравненію съ эмпирическими законами матеріалистовъ и позитивистовъ.“

„22. Соціальная физика не можетъ не затрогивать въ своихъ схемахъ вопросы вѣры, поскольку послѣдняя является вліяющимъ факторомъ въ видимой дѣятельности людей. Поэтому для успѣховъ соціальной физики вредно не только стремленіе къ матеріалистическому истолкованію духовно-нравствен-

¹⁾ См. Н. В. Бугаевъ, „Математика и научно-философское міросозерцаніе“. („Вопросы философіи и психологін“. Москва. 1899).

ныхъ способностей человѣка, но и то благонамѣренное увлеченіе, которое стремится устранить изъ области науки о человѣкѣ всѣ духовно-нравственные элементы подъ предлогомъ передачи ихъ въ область религіи и вѣры, предоставляя наукамъ имѣть дѣло лишь съ видимыми и вообще доступными эмпиризму проявленіями. Такое подраздѣленіе областей вѣры и научнаго знанія противоестественно, такъ какъ хотя наука дѣйствительно должна имѣть дѣло съ видимыми и доступными эмпиризму явленіями, но она, сверхъ того, должна объяснять ихъ причины; а восходя къ причинамъ, она не можетъ не встрѣтиться съ невидимыми и недоступными эмпиризму духовно-нравственными элементами. Такимъ элементомъ является, напримѣръ, *нравственный законъ*, какъ императивъ, весьма вліятельный, рѣшающій множество социальныхъ проблемъ, но не вытекающій ни изъ эгоизма личнаго, ни изъ альтруизма въ смыслѣ общественнаго эгоизма и требующій отъ личности и отъ общества самоотверженія во имя высшей правды. Здѣсь области социальной физики и религіи неизбежно сливаются, а искусственное раздѣленіе ихъ должно породить неизбежныя недоразумѣнія во вредъ какъ наукамъ, такъ и вѣрѣ. Наука и религія должны идти навстрѣчу другъ другу съ разныхъ сторонъ (отъ области сердца и отъ области ума). Если, слѣдовательно, социальная физика и должна имѣть дѣло только съ видимыми и осязаемыми проявленіями человѣческой дѣятельности, то ея философія, на которую опирается ея логическая схема, должна руководиться классическимъ изреченіемъ: *philosophia est rerum humanarum divinarumque scientia*.

Какъ мы сказали, книга П. А. Некрасова встрѣтила разносторонніе отзывы и въ печати и въ ученыхъ обществахъ. Изъ газетныхъ отзывовъ мы считаемъ не лишнимъ отмѣтить фельетонъ проф. А. И. Введенскаго въ № 302 „Московскихъ вѣдомостей“ и г. З въ №№ 292 и 295 „Русскихъ вѣдомостей“, а изъ журнальныхъ—рецензію проф. С. С. Глаголева въ № 1 „Вѣры и разума“ за 1903 г. и проф. А. И. Введенскаго въ № 1 „Вѣры и церкви“ с/г. Что же касается устныхъ сужденій, то мы приведемъ нѣкоторыя изъ слышанныхъ нами въ двухъ засѣданіяхъ психологическаго общества 25 января и 1 февраля с/г.

Проф. Введенскій въ обоихъ своихъ отзывахъ относится къ рецензируемой книгѣ весьма сочувственно и причисляетъ ее къ числу тѣхъ произведеній, „которыми въ исторіи науки отмѣчаются поворотныя точки“; она, по его мнѣнію, „вноситъ въ постановку и разработку вопроса нѣчто новое, опираясь при этомъ на прочно установленныя въ послѣднее время въ области математическихъ знаній тезисы“. Основнымъ-же (собственно философскимъ) вопросомъ книги онъ считаетъ „вопросъ о законмѣрности или, иначе, о *свободныхъ законахъ регулярности явленій*, прежде всего явленій человеческой исторіи, а потомъ, по перенесенію, и явленій всей вообще міровой жизни“. Съ специально богословской точки зрѣнія рецензентъ признаетъ книгу П. А. Некрасова „незамѣнимымъ пособіемъ“ при научной разработкѣ вопроса о промыслѣ Божіемъ. Тѣмъ не менѣе рецензентъ не во всемъ согласенъ съ авторомъ. Онъ дѣлаетъ ему два,—на нашъ взглядъ совершенно справедливыхъ,—упрека: 1) въ противорѣчивомъ опредѣленіи *свободной воли* (авторъ опредѣляетъ свободную волю какъ „особую психическую силу, слагающуюся изъ всѣхъ душевныхъ силъ,—сердечныхъ и умственныхъ,—какъ ихъ *равнодѣйствующая* и дающая внѣшнему физическому импульсу направленіе по ея выбору“;—если „равнодѣйствующая“, то, стало быть, вторичная, производная, а не особая самостоятельная сила) и 2) въ напрасномъ связываніи судьбы своего ученія съ Лейбницевскимъ монадизмомъ.

Столь же сочувственно отзывается и проф. Глаголевъ. Онъ признаетъ работу П. А. Некрасова „вносящею въ высшей степени цѣнное прибавленіе къ даннымъ для рѣшенія проблемы о свободѣ воли“. Признаетъ онъ эту работу весьма важной и для богословія, поскольку изъ нея видно, что „математики и богословы,—представители наукъ—наиболѣе безспорной и болѣе оспариваемой,—оказываются совершенно согласными по своимъ воззрѣніямъ“. „Трудъ,—прибавляетъ онъ,—изданный математическимъ обществомъ и появившійся въ математическомъ сборникѣ, совершенно съ равнымъ правомъ могъ быть изданъ обществомъ богослововъ и быть напечатаннымъ въ сборникѣ богословскомъ. Для богослова должно быть отрадно, что идеи, которыя лежатъ въ основѣ его воззрѣній, раздѣляются представителями самой строгой и точной отрасли знанія“. Что ка-

сается недостатокъ работы, то и по мнѣнію проф. Глаголева, „важнѣйшій пунктъ, вызывающій недоумѣніе въ книгѣ П. А. Некрасова, это—его опредѣленіе свободы воли“. Рецензентъ обстоятельно раскрываетъ недостатки этого опредѣленія и показываетъ, что съ данными механики, физики и физиологіи (почва, на которую,—прибавимъ мы,—не долженъ бы отказываться стать и г. Некрасовъ; слѣд., разногласіе между нимъ и рецензентомъ — не непримиримое) вполне гармонируетъ опредѣленіе свободы воли, какъ „способности выбора между рѣшеніями“. „Авторъ, говоритъ С. С. Глаголевъ, опредѣляетъ свободу воли то какъ особую высшую силу, то какъ равнодѣйствующую психическихъ силъ. Что нибудь одно: или особая сила. или равнодѣйствующая. Вѣдь понятіе равнодѣйствующей силы есть только фикція механики. Существуютъ лишь силы составляющія. Но зная направленіе и напряженіе этихъ силъ, механика мыслить возможнымъ замѣнить ихъ одною, дѣйствіе которой даетъ тотъ же результатъ, и затѣмъ разсматриваетъ результатъ, какъ произведенный равнодѣйствующей. Но ясно, что это понятіе совершенно фиктивное. Мы желали бы думать и мы находимъ для себя опору и во многихъ отдѣльных мѣстахъ и въ общемъ содержаніи книги, что нашъ авторъ смотритъ на свободу воли иначе. Онъ самъ опредѣляетъ ее еще, какъ силу регулирующую. Но равнодѣйствующая опредѣляется другими силами, а регулирующая опредѣляетъ дѣйствіе другихъ силъ. Если есть свобода воли, а нашъ авторъ фактъ ея существованія считаетъ самоочевидною аксіомою, то она есть сила регулирующая, она заключается въ способности выбора между рѣшеніями“ (В. и Р., стр. 25—26). Разъясненій рецензента насчетъ того, какъ механика, физика и физиологія „указываютъ особенныя мѣста и состоянія, когда вмѣшательство свободы воли требуется, чтобы въ дальнѣйшемъ сообщить явленіямъ опредѣленное направленіе“ (стр. 26—28), мы приводить не будемъ, отсылая интересующихся ими къ самой статьѣ почтеннаго рецензента. Повторимъ только, что эти поправки отнюдь не идутъ въ разрѣзъ съ основными идеями разбираемой книги и легко могли бы быть приняты ея авторомъ.

Довольно отрицательно, хотя и сдержанно, относится къ

книгѣ П. А. Некрасова рецензентъ „Русскихъ вѣдомостей“. Между прочимъ онъ оспариваетъ мысль о возможности основать науку о массовыхъ явленіяхъ на строгой математической логикѣ и настаиваетъ на преимущественномъ значеніи въ этой наукѣ фактовъ и наблюденій. Затѣмъ онъ возражаетъ противъ дѣленія законовъ на фатальные и свободные, противъ излишней категоричности дѣленія воли на добрую и злую, противъ принятаго П. А. Некрасовымъ пониманія нравственнаго закона и т. п. Всѣ эти возраженія въ болѣе подробной формѣ ставились автору при обсужденіи его тезисовъ 25 января; и онъ тогда же давалъ на нихъ свои отвѣты. Чтобы безъ нужды не повторяться, мы не будемъ останавливаться теперь на критическихъ замѣчаніяхъ г. Z, а переходимъ къ описанію названнаго засѣданія психологическаго общества.

Здѣсь прежде всего мы должны оговориться, что не претендуемъ на безусловную точность и полноту въ передачѣ всѣхъ преній. Продолжительность диспута (съ 8½ часовъ вечера до 12 часовъ ночи), множество оппонентовъ и разнообразіе возраженій и, наконецъ, трехнедѣльный слишкомъ промежутокъ между составленіемъ настоящаго описанія и описываемымъ событіемъ—все это условія, дѣлающія показанія даже самой хорошей памяти не особенно точными и близкими къ дѣйствительности. Впрочемъ, за вѣрность дѣйствительности общаго нашего впечатлѣнія какъ отъ всѣхъ преній, такъ и отъ многихъ отдѣльныхъ возраженій мы можемъ ручаться. Къ тому же, нѣкоторыя возраженія и отвѣты на нихъ нами записаны ¹⁾.

Засѣданіе открыто было предсѣдателемъ общества проф. Л. М. Лопатинымъ. Первое слово предоставлено было П. А. Некрасову. Диспутантъ сказалъ, что постановкой своихъ тезисовъ на обсужденіе психологическаго общества онъ прежде всего желаетъ исполнить свой давнишній долгъ передъ обществомъ—въ качествѣ его члена, нравственно обязаннаго участвовать въ его работахъ, а затѣмъ, какъ не философъ по специальности, желаетъ провѣрить свои философскія мнѣнія сужденіями компетентнаго философскаго

¹⁾ Кроме того, мы съ благодарностью должны упомянуть что наша настоящая записъ этихъ преній была провѣрена воспоминаніями проф. П. П. Соколова, бывшаго на первомъ засѣданіи 25 янв.

ареопага. Указавъ онъ при этомъ на нѣкоторую трудность полного взаимнаго пониманія между филосогами и математиками; но прибавилъ, что прочитавши книгу проф. Московской дух. академіи А. И. Введенскаго: „Законъ причинности и реальность внѣшняго міра“, онъ убѣдился въ полной возможности и предъ специалистами - философами отстаивать свои философскія мнѣнія по существу, соглашаясь однако заранѣе принять упреки въ нѣкоторой неточности своей философской терминологіи и своихъ опредѣленій нѣкоторыхъ философскихъ понятій. Затѣмъ онъ резюмировалъ вкратцѣ свои основныя философскіе взгляды, сравнительно подробно раскрытыя въ его книгѣ, и сказалъ, что тезисы не исчерпываютъ всего содержанія его книги, а—лишь тѣ ея части, которыя онъ особенно хотѣлъ поставить на обсужденіе философскаго собранія.

Слѣдующее слово предоставлено было кн. *Д. Н. Цертелеву* (философъ). Чтобы примѣнять математическое умозрѣніе къ объясненію соціальныхъ явленій,—сказалъ оппонентъ,—надо знать законъ, который открывалъ бы возможность предъ-являть извѣстные запросы къ объясняемымъ явленіямъ. Математика даетъ только формулы, примѣнимость которыхъ остается условной, пока не установлено, что подлежащія объясненію явленія дѣйствительно обладаютъ тѣмъ самымъ характеромъ, на какой разчитаны формулы. Но въ подлежащихъ обсужденію тезисахъ П. А. Некрасова такого закона, управляющаго соціальными явленіями, не указано.

П. А. Некр. отвѣчалъ, что въ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности причинность обнаруживается не въ видѣ жельзной необходимости или фатальной принудительности, а часто въ болѣе эластичной формѣ „вліянія“, способнаго имѣть различныя степени напряженія и оставляющаго мѣсто для дѣятельности свободной воли. Это и есть законъ соціальной жизни, позволяющій опредѣлять вѣроятность тѣхъ или иныхъ явленій въ этой области по формуламъ, разчитаннымъ именно на явленія въ извѣстномъ смыслѣ случайныя.

Д. Н. Церт.: Но вліяніе даже самаго малаго напряженія всетаки есть причина по отношенію къ обусловливаемому имъ рѣшенію воли; слѣд., послѣднее есть необходимый, а не случайный продуктъ своихъ условій.

Некр.: Мотивы не принуждаютъ волю къ рѣшенію, а лишь склоняютъ.

Церт.: Но мотивъ всетаки дѣйствуетъ на волю, какъ причина, хотя и не данная раньше своего дѣйствія; онъ дѣйствуетъ посредствомъ представленія изв. (желательнаго) результата въ будущемъ; но это всетаки—причинное воздѣйствіе.

Некр.: Я не отрицаю причинной зависимости и въ свободной волѣ.

Церт.: Это—противорѣчіе...

Некр.: Споръ о самомъ понятіи свободной воли вывелъ бы насъ далеко за предѣлы моего изслѣдованія о социальной физикѣ.

Вторымъ оппонентомъ выступилъ проф. П. В. Преображенскій (натуралистъ). Его возраженія были направлены противъ тезисовъ 8, 13 и 14. Понятіе равнодѣйствующей силы, слагающейся изъ силъ интеллектуальной и эмоциональной, не годится для опредѣленія свободной воли. Это—совершенно неудачное перенесеніе въ психологію механическихъ понятій.

Некр.: Этотъ 8-й тезисъ я и самъ признаю формулированнымъ неудачно. Противъ моей „равнодѣйствующей“ мнѣ пришлось читать возраженія и въ печатныхъ рецензіяхъ, и я охотно отказываюсь отъ самаго термина, но всетаки настаиваю на участіи ума и чувства въ рѣшеніяхъ воли. вмѣсто „равнодѣйствующая“ я предлагалъ бы терминъ „результатъ“.

Преобр.: Кромѣ того, мнѣ кажется незаконнымъ ограничивать опредѣляющія волю вліянія только представленіями и чувствованіями.

Некр.: Хотя я и затрудняюсь представить себѣ въ какой либо другой формѣ вліяніе на сознательную волю, но не буду спорить противъ возможности;—въ такомъ случаѣ, рѣшеніе воли будетъ всетаки „результатомъ“ всѣхъ дѣйствующихъ на нее вліяній.

Пр.: Понятіе „стаціонарнаго“ общественнаго процесса (тез. 13) есть чистая абстракція. Въ дѣйствительной жизни такихъ процессовъ нѣтъ.

Некр.: Да. Но для возможности научнаго изслѣдованія мы должны разсматривать нестаціонарный массовый процессъ, какъ составленный изъ послѣдовательной смѣны во времени стаціонарныхъ стадій. Это тотъ же приемъ, что и въ математическомъ анализѣ бесконечно малыхъ, когда,

напр., мы кривую линію разсматриваемъ, какъ сумму безконечно малыхъ прямыхъ, непрерывно измѣняющееся движеніе — какъ составленное изъ безконечно малыхъ неизмѣняющихся движеній и т. п. Въ естественнонаучномъ изслѣдованіи стаціонарность создается путемъ экспериментальнымъ, искусственно.

Пр.: Консервативность человѣческой воли по ея нравственному направленію (тез. 14) трудно допустима съ біологической и психологической точекъ зрѣнія, потому что жизнь именно и состоитъ въ постоянномъ, хотя и медленномъ, видоизмѣненіи всѣхъ наличныхъ сторонъ живущаго существа, не исключая и нравственной; а затѣмъ эта консервативность противорѣчитъ понятію свободной воли, выраженіемъ которой Вы считаете эту консервативность.

Некр.: Измѣненія не всегда состоятъ въ перемѣнѣ направленія, а чаще въ усиленіи его. Затѣмъ, я не отрицаю и качественныхъ измѣненій (ср. конецъ тезиса). Далѣе, медленность и постепенность измѣненій сохраняетъ возможность хотя бы въ небольшіе промежутки времени считать направленіе воли консервативнымъ; а разбивать нестаціонарный процессъ на отдѣльныя стаціонарныя стадіи намъ все равно необходимо при его научномъ изслѣдованіи. Что же касается свободной воли, то мнѣ, напротивъ, кажется, что постоянныя ея колебанія въ нравственномъ направленіи скорѣе надо было бы назвать безволіемъ.

Третьимъ оппонентомъ былъ извѣстный литераторъ *В. А. Гольцевъ*. Какъ позитивистъ по своему научному направленію, онъ прежде всего вступился за честь основателя позитивизма Огюста Конта, къ которому П. А. Некрасовъ отнесся не просто отрицательно, какъ къ представителю противоположныхъ научныхъ взглядовъ, а и съ нѣкоторой довольно значительной долей нравственного порицанія, какъ къ инициатору зловреднаго направленія въ социологию, надолго затормозившаго успѣхи этой науки. Между тѣмъ, Контъ, какъ нравственная личность, заслуживаетъ всяческаго уваженія. Какъ ученый и, притомъ, математикъ (котораго многіе выдающіеся математики считали своимъ учителемъ), онъ заслуживать бы болѣе деликатнаго отношенія именно со стороны математика, каковъ П. А. Н-въ. Затѣмъ оппоненту кажется непонятнымъ, какъ мыслитель, наклонный къ

христіанскому теизму, готовый написать на своемъ знамени славянофильскій девизъ—„самодержавіе, православіе и народность“, въ основу своего соціологическаго воззрѣнія кладетъ положеніе *атеиста* Лапласа: „нѣтъ дѣйствія безъ причины“. Далѣе онъ сталъ оспаривать тезисъ 4,—будто теорія вѣроятностей способна помочь намъ проникнуть и въ такія области, гдѣ „дѣйствуютъ сокровенные мотивы и разныя причины, недоступныя познающему уму“;— что недоступно познающему уму, то надо предоставить религіозной вѣрѣ, и никакая теорія вѣроятностей не поможетъ намъ постичь непостижимое. Отмѣтилъ онъ потомъ нѣкоторую странность терминологіи въ томъ, что П. А. Н-въ противопоставляетъ свое воззрѣніе „отвлеченному“ идеализму, какъ будто можетъ быть еще „конкретный“ идеализмъ. Болѣе же всего оппонентъ остановился на различеніи диспутантомъ свободы „благотворной“ и „неблаготворной“ и на связанныхъ съ этимъ различеніемъ практическихъ указаній политическаго характера. Чисто теоретическій вопросъ о примѣненіи теоріи вѣроятностей къ изученію соціальныхъ явленій, довольно безобидное метафизическое понятіе свободы воли въ обработкѣ диспутанта оказываются совершенно неожиданно чреватými самыми осязательными практическими выводами и политическими указаніями. Такъ, говоря объ „изоляторахъ“, какъ необходимыхъ спутникахъ гражданской свободы, П. А. Н-въ въ своей книгѣ (стр. 121) обрушивается на анархистовъ и фанатиковъ политическихъ утопій, на ряду съ этимъ возстаетъ противъ космополитической идеи, какъ „вѣры въ возможность идеальнаго братства народовъ, живущихъ въ мирѣ и любви“ (стр. 124), и въ заключеніе рекомендуетъ противопоставить связаннымъ съ этой идеей поползновеніямъ „бронированный кулакъ“. А говоря о нравственномъ воспитаніи свободной воли, хвалитъ англійскія школы, „не отступающія даже отъ физической репрессіи для блага наказуемыхъ“.

П. А. Некрасовъ на всѣ эти возраженія отвѣчалъ весьма обстоятельно. Какъ нравственную личность, онъ Огюста Конта нисколько хулить не желалъ и даже весьма цѣнить. Какъ математикъ, Контъ никакихъ выдающихся заслугъ предъ наукой не имѣетъ. Довольно непостижимымъ со стороны оппонента онъ считаетъ упрекъ себѣ въ послѣдованіи ате-

исту Лапласу. Вѣдь я, сказалъ диспутантъ, беру Лапласа въ свои руководители не по религиознымъ вопросамъ, а по вопросамъ научной методологiи; не совершенно ли для меня безразлично,—вѣрилъ Лапласъ въ Бога или нѣтъ? А впрочемъ, мнѣ хотѣлось бы знать, на чемъ Вы основываете свое причисленiе Лапласа къ атеистамъ.

Гольц.: на его собственномъ заявленiи Наполеону, что наука не нуждается въ гипотезѣ Бога.

Здѣсь предсѣдатель общества *Л. М. Лопатинъ* сказалъ, что подобное заявленiе еще нисколько не свидѣтельствуетъ объ атеизмѣ и могло быть сказано въ шутку; а *Г. А. Рачинскiй* прибавилъ, что чисто научные вопросы дѣйствительно не нуждаются въ какихъ либо теологическихъ предположенiяхъ; и подобное заявленiе одинаково легко могъ сдѣлать и такой вѣрующiй человекъ, какъ *Вл. С. Соловьевъ*; а затѣмъ, само собою понятно, что предполагаемый атеизмъ Лапласа нисколько не опорочивалъ бы его принципа — „нѣтъ дѣйствiя безъ причины“—и нисколько не лишалъ бы вѣрующаго человека права ссылаться на него.

Некр.: Упрекъ въ томъ, будто я претендую при помощи теорiи вѣроятностей познать непознаваемое, — совершенно несправедливъ, потому что у меня рѣчь идетъ не о томъ, что непознаваемо по существу, а лишь о томъ, чего полное и точное познание невыполнимо по сложности предмета и по недостатку всѣхъ необходимыхъ для такого познаниа данныхъ. Въ нашихъ достовѣрныхъ научныхъ познаниахъ часто оказываются *дыры*, не заполнивъ которыхъ, хотя бы и при помощи только болѣе или менѣе вѣроятныхъ расчетовъ и соображенiй, мы не могли бы съ успѣхомъ продолжать нашихъ изысканiй. Насколько бываетъ трудно и сложно исчерпывающее познание какойнибудь группы отношенiй, можно видѣть на извѣстной разрѣшаемой въ астрономической механикѣ задачѣ о движенiи 3 тѣлъ. Чтобы формулировать условiя этого движенiя, надо составить, насколько припоминаю, 15 уравненiй (9 для абсолютныхъ движенiй этихъ тѣлъ и 6 для относительныхъ). Сколько же уравненiй потребовалось бы для исчерпывающаго, всесторонняго познаниа какогонибудь массоваго процесса въ проявленiяхъ человеческой дѣятельности, гдѣ число участвующихъ въ процессѣ индивидуумовъ несравненно многочисленнѣе, при-

рода каждого несравненно сложнѣе и, слѣдовательно, въ со-
 отвѣтственной степени разнообразнѣе какъ проявленія инди-
 видуальной дѣятельности, такъ и взаимныя вліянія всѣхъ
 индивидуумовъ! Самое пылкое воображеніе отказывается со-
 ставить понятіе даже только о размѣрахъ такой задачи. Въ
 этомъ смыслѣ разрѣшеніе ея и можно назвать непосиль-
 нымъ для человѣческаго ума. Но если мы не можемъ дать
 формулъ, опредѣляющихъ дѣйствіе всѣхъ крупныхъ и мел-
 кихъ факторовъ въ данномъ массовомъ процессѣ, то мы все-
 таки не отказываемся отъ попытки выразить въ опредѣлен-
 ныхъ формулахъ результаты этой сложной дѣятельности,
 поскольку признаемъ самый процессъ закономѣрнымъ и по-
 скольку знаемъ природу производящихъ его силъ. Въ этомъ
 смыслѣ теорія вѣроятностей и помогаетъ намъ проникнуть
 въ области, которыя съ иной стороны не поддаются точному
 познанію. Что касается „отвлеченнаго“ идеализма, то я про-
 тивополагаю ему реальный идеализмъ (диспутантъ, насколько
 можно судить по его книгѣ, разумѣлъ т. н. „идеалреализмъ“,
 направленіе, дѣйствительно знакомое исторіи философіи). На-
 конецъ, дѣлаемые мнѣ упреки въ реакціонныхъ тенденціяхъ,
 въ проповѣди бронированнаго кулака и школьной порки, я
 признаю незаслуженными и продуктомъ пониманія моихъ
 словъ въ дурномъ смыслѣ. Я, конечно,—не сторонникъ поли-
 тическихъ, административныхъ и школьныхъ насилій и ни-
 когда не считалъ достойнымъ ученаго такую негуманную про-
 повѣдь. Я только говорилъ о томъ, что условія самосохраненія
 общественнаго организма могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ
 оправдывать насильственные средства, ведущія къ этой цѣли:
 при этомъ я главнымъ образомъ имѣлъ въ виду мѣры по-
 лицейской и судебной репрессіи, направленныя противъ пре-
 ступныхъ организацій или отдѣльныхъ предпріятій, угро-
 жающихъ благополучію гражданъ. Случаи же стѣсненія раз-
 рушительныхъ политическихъ стремленій или военной за-
 щиты своего отечества отъ нашествія иноземцевъ—это такіе
 исключительные случаи, когда ставится на карту самое су-
 ществованіе государства; и я увѣренъ, что относительно по-
 добныхъ случаевъ всякій здравомыслящій разсудилъ бы
 точно такъ же. То же скажу и о школьной репрессіи.

Голыц.: Такъ вы отказываетесь отъ благословенія брониро-
 ваннаго кулака?

Некр. Отказываюсь.

Четвертымъ возражалъ проф. *Д. Н. Анучинъ* (натуралистъ). Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній противъ формулировки конца 4 тезиса („завис. отъ личныхъ свойствъ и силъ“), указавъ на необходимость въ 8 тезисѣ къ выраженію „равнодѣйствующая всѣхъ психическихъ силъ“ прибавить „въ данный моментъ“ и высказавшись противъ примѣненія терминовъ „механической“ и „механикоподобный“ къ психическимъ процессамъ (тез. 18), оппонентъ горячо возсталъ противъ пренебрежительнаго отношенія П. А. Н—ва къ *эволюціонной теоріи*, выразившагося въ тезисахъ 17—19, а еще болѣе выступающаго въ книгѣ. Такое отношеніе оппонентъ признавалъ болѣе чѣмъ непонятнымъ со стороны ученаго, особенно въ наше время, когда эволюціонизмъ проникъ почти во всѣ отрасли знанія и вездѣ оказался плодотворнымъ научнымъ принципомъ. Такое непониманіе важнаго значенія эволюціи повлекло за собою совершенно ненаучное отрицаніе эмпирическаго происхожденія нравственнаго закона и зависимости нравственнаго сознанія отъ культурнаго развитія общества (тез. 22).

П. А. Некрасовъ указанія на неточности терминологіи призналъ до извѣстной степени справедливыми, но нисколько не подрывающими самыхъ мыслей связанныхъ съ этими терминами, а умѣстность термина „механикоподобный“ даже защищалъ довольно настойчиво (и на нашъ взглядъ, убѣдительно). Что же касается эволюціонной теоріи, то, не смущаясь аподиктичностью заявленія проф. Анучина, онъ открыто выступилъ радикальнымъ противникомъ ея черезчуръ широкихъ притязаній и сказалъ, что для него эта идея развитія, не руководимаго Творцомъ, кажется чѣмъ то столь же непонятнымъ, какъ *perpetuum mobile*.

Разумѣется, при такомъ принципиальномъ несогласіи, серьезный споръ продолжаться не могъ. Оппонентъ пытался было, не вдаваясь въ принципиальный споръ объ эволюціонной теоріи вообще, отдѣльными примѣрами иллюстрировать свою мысль о зависимости нравственнаго сознанія отъ уровня культурнаго развитія; но П. А. Н—въ, соглашаясь нерѣдко съ фактической стороной этихъ примѣровъ, не принималъ ихъ истолкованія въ желательномъ для оппонента смыслѣ.

Послѣ этого выступилъ проф. *Г. Г. Аптельтотъ* (математикъ)

съ довольно пространными разъясненіями понятій „недоступное познающему уму“, „детерминизмъ“ и „индетерминизмъ“. П. А. Н.—въ заявилъ, что въ этихъ разъясненіяхъ онъ не видитъ какихъ либо возраженій себѣ, а лишь раскрытіе своихъ собственныхъ мыслей. Оппонентъ согласился и сказалъ, что онъ именно это и хотѣлъ сдѣлать.

Съ чрезвычайно живымъ и всѣхъ весьма заинтересовавшимъ возраженіемъ выступилъ проф. *Б. К. Млодзѣевскій* (математикъ). Онъ горячо протестовалъ противъ притязаній математиковъ что либо доказать или установить внѣ сферы собственной ихъ науки. Математика наука формальная. Всесильная въ своей собственной сферѣ, она безусловно не можетъ установить или оправдать какое либо содержательное положеніе или принципъ. Послѣдніе всегда устанавливаются другими науками (естествознаніемъ, философіей и пр.). Математика примѣнима во многихъ областяхъ знанія,—можетъ быть, въ гораздо многочисленнѣйшихъ, чѣмъ теперь даже можно подозрѣвать; но понятія, надъ которыми она оперируетъ, самые принципы, съ точки зрѣнія которыхъ дѣлается ея примѣненіе, вырабатываются отнюдь не ею. Даже такое родное для математики понятіе, какъ понятіе пространства, въ своей метафизической природѣ и гносеологическомъ значеніи отнюдь не можетъ быть изслѣдовано математикой. Въ своемъ существѣ пространство остается для математики совершенно неизвѣстнымъ. Значеніе для философіи неевклидовой геометріи часто было не въ мѣру преувеличиваемо. Вопросъ о пространствѣ, въ концѣ концовъ, есть вопросъ философскій, хотя и надо прибавить, что философы, не знакомые основательно съ математикой, не могутъ правильно уяснить себѣ многихъ его сторонъ. Справедливость математическихъ выводовъ въ той или иной научной области всегда условна,—въ зависимости отъ научной состоятельности понятій и принциповъ, съ которыми хотятъ оперировать математически. Формальная математическая безукоризненность и точность выводовъ никогда не можетъ гарантировать послѣднимъ научной достовѣрности, разъ несостоятельны самые принципы и понятія. Математика—это превосходно организованная машина, которая превосходно обрабатываетъ свойственнымъ ей образомъ всякій матеріалъ, какой только мы въ нее вложимъ. Въ *качество* результатовъ та-

кой обработки она неповинна. Работа всегда будет выполнена безукоризненно, но результаты будут разные, смотря по материалу: хороший материал—и результат хороший, плохой материал—плохой и результат. Сказанное о математикѣ вообще имѣетъ силу и въ отношеніи той ея вѣтви, которая извѣстна подъ именемъ теоріи вѣроятностей. Последняя примѣнима въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ и можетъ быть утилизируема для самыхъ различныхъ цѣлей; и выводы ея будутъ вполне вѣрны съ точки зрѣнія тѣхъ предположеній и допущеній, какія ранѣе сдѣланы о сущности объясняемыхъ явленій; но вполне очевидно, что они будутъ также и вполне условны: ихъ матеріальная истинность будетъ зависѣть отъ истинности принциповъ, устанавливаемыхъ независимо отъ математики. Недаромъ эту отрасль математики называютъ именно *теоріей* вѣроятностей: она ничего не можетъ доказать или установить, кромѣ собственныхъ теоремъ, примѣнимыхъ къ нѣкоторымъ *предполагаемымъ* (существующимъ въ дѣйствительности или вымышленнымъ,—все равно) условіямъ. Я потому,—прибавилъ оппонентъ,—съ такою подробностью остановился на выясненіи этого характера математики, что Ваша книга и Ваши тезисы на многихъ производятъ впечатлѣніе попытки дать математическое *доказательство* нѣкоторыхъ метафизическихъ ученій (напр., о свободѣ воли). Мнѣ хотѣлось бы поколебать впечатлѣніе, будто Ваша книга что то доказала въ области нѣкоторыхъ философскихъ вопросовъ.

П. А. Н.—вз: Съ Вашими разъясненіями я вполне согласенъ и отнюдь не претендую давать математическое доказательство философскихъ истинъ. Примѣненіе теоріи вѣроятностей даетъ лишь схемы, а физика должна найти условія ихъ примѣненія. То же я долженъ сказать и относительно социальной физики: схемы теоріи вѣроятностей примѣнимы къ ней при разнообразныхъ условіяхъ (философскихъ предположеніяхъ). Я только старался показать, что это примѣненіе не становится невозможнымъ и при включеніи въ число условій социального процесса свободы воли и при другихъ идеалистическихъ предположеніяхъ.

Млодз.: Но вѣдь для рѣшенія вопроса о свободѣ воли теорія вѣроятностей ничего не даетъ?

Некр.: Конечно, ничего не даетъ въ смыслѣ положитель-

наго аргумента; но поскольку признаніе свободы воли считается многими социологами несомвѣстимымъ съ закономѣрностью социальныхъ процессовъ, постольку примѣнимость математической теоріи вѣроятностей къ изученію массовыхъ движеній и при признаніи свободной воли снимаетъ одно изъ сильныхъ возраженій противъ нея, потому что оказывается, что законмѣрность сохраняется и при свободѣ воли.

Послѣ этого слово было предоставлено проф. *Андрееву* (математикъ), который настойчиво оспаривалъ умѣстность представленія свободной воли не только „равнодѣйствующей моральныхъ и интеллектуальныхъ силъ“, какъ сказано въ тезисѣ 8, но и „результатомъ“, какъ согласился называть диспутантъ уже во время преній. Волевой актъ качественно отличенъ отъ эмоциональныхъ движеній и умственной дѣятельности, а равнодѣйствующая отличается отъ слагаемыхъ лишь величиной и направленіемъ. Въ результатѣ не можетъ оказаться того, чего нѣтъ въ производящихъ силахъ ¹⁾.

Некр.: Но вѣдь рѣшенія воли зависятъ отъ чувствованій и представленій и безъ нихъ немислимы.

Андр.: И всетаки ихъ нельзя всецѣло свести на чувствованія и представленія.

Некр.: А что же такое они безъ послѣднихъ? Воля, не состоящая изъ извѣстныхъ чувствованій и представленій кажется мнѣ просто безсодержательнымъ понятіемъ.

Здѣсь вмѣшивается предсѣдатель проф. *Д. М. Лопатинъ* и разъясняетъ, что въ психологіи принято всѣ душевныя явленія дѣлится на три группы: познаніе, чувство и волю, которыя, впрочемъ, обыкновенно бываютъ нераздѣльно слиты другъ съ другомъ въ каждомъ актѣ душевной жизни.

¹⁾ Любопытно отмѣтить въ возраженіяхъ проф. Андреева одно замѣчаніе о свободной волѣ, весьма характерное для того пониманія свободы, которое раздѣляется многими изъ спорящихъ по этому вопросу и служить источникомъ немалой путаницы при разграниченіи детерминизма и индетерминизма. „Свободная воля“, сказалъ между прочимъ г. Андр., есть, собственно говоря, тавтологическое выраженіе, потому что связанная или задержанная воля не есть въ сущности уже и воля. Ниже мы скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ воззрѣніи на волю.

Пренія закончилися словомъ проф. П. П. Соколова (философъ), который сказалъ приблизительно слѣдующее ¹⁾:

„Мы еще разъ хотѣлось бы коснуться вопроса о свободѣ воли, который сегодня такъ подробно обсуждался. Референтъ считаетъ волю творческою силой, дѣйствія которой по свидѣтельству нашего самосознанія и нравственнаго чувства не подчиняются обычному закону причинности. Но въ то-же время онъ называетъ ее равнодѣйствующей или результатомъ другихъ психическихъ вліяній и признаетъ основнымъ требованіемъ нашей мысли положеніе: „нѣтъ дѣйствій безъ причинъ“. Такимъ образомъ, предъ читателемъ его книги выступаетъ со всею рѣзкостью обычная антиномія: 1) воля *свободна*, такъ какъ о ея свободѣ говорить намъ наше внутреннее чувство; 2) воля *несвободна*, такъ-какъ ея свободу не можетъ мыслить нашъ разумъ. Я не имѣю претензіи исполнѣ разрѣшить эту антиномію, представляющую лишь частный случай тѣхъ противорѣчій, которыя обнаруживаются всюду, гдѣ сталкивается наше теоретическое отношеніе къ дѣйствительности съ практическимъ. По существу она, можетъ быть, даже совсѣмъ неразрѣшима. Мы хотѣлось бы только выдвинуть нѣкоторыя подробности проблемы, на которыя не всегда обращается достаточное вниманіе. Законъ: „нѣтъ дѣйствій безъ причинъ“ есть дѣйствительно основное требованіе нашего разума, и если мы хотимъ понять дѣйствія воли, они должны въ той или иной формѣ подчиняться этому закону наравнѣ съ остальными явленіями міра. Но волевые акты отличаются отъ другихъ явленій тѣмъ, что ихъ причины лежатъ не только *позади*, но и *впереди* нихъ: это не только *причины дѣйствующія*, но и *причины конечныя*, т. е. *цѣли*. Правда, цѣли существуютъ и въ природѣ; но здѣсь онѣ принадлежатъ не самимъ вещамъ, а управляющему ими высшему разуму. Мы, частицы или отраженія этого разума, можемъ сами ставить себѣ эти цѣли, и въ этомъ состоитъ наша свобода. Это *свобода нашей мысли*, которая оцѣниваетъ по своимъ логическимъ и нравственнымъ законамъ свои представленія, признаетъ одни изъ нихъ болѣе разумными или болѣе достойными,

¹⁾ Эти замѣчанія, по нашей просьбѣ, были воспроизведены самимъ П. П. Соколовымъ и приводятся ниже въ его собственномъ изложеніи. П. Т.

чѣмъ другія, превращаетъ ихъ въ цѣли нашихъ стремленій и такимъ образомъ сама полагаетъ въ нихъ причины для нашихъ дѣйствій. Сама по себѣ цѣль есть только *идея*: но какъ скоро эта идея выдвигается мыслительнымъ процессомъ на передній планъ, она пробуждаетъ въ насъ горячее чувство, дѣлается центромъ нашихъ интересовъ, получаетъ въ нашемъ сознаніи наибольшую живость, превращается въ нашу вѣру и благодаря всему этому становится *силой*, способной производить могучія дѣйствія. Такимъ образомъ, свобода принадлежитъ не волѣ, а разуму, управляющему волей. Если дѣйствіе обуславливается исключительно физическими или психологическими причинами и совершается безъ сознанія цѣлей или вопреки имъ, оно *необходимо*: если же оно опредѣляется логическими или моральными основаніями и происходитъ съ яснымъ сознаніемъ цѣлей,—оно *свободно*. Подъ именемъ свободы разума я понимаю не произволь или безпричинный капризь. Разумъ также подчиненъ закону причинности, но здѣсь этотъ законъ является въ совершенно особенной формѣ,—въ формѣ *закона достаточнаго основанія*; въ его актахъ также есть элементъ необходимости, но эта необходимость не физическая или психологическая, а *логическая и нравственная*. Зависимость разума отъ своихъ внутреннихъ основаній есть его зависимость отъ себя самого; логическая и моральная необходимость его актовъ есть его автономія. Понятіе свободы и сводится къ этой *автономіи разума*.

Если волевые дѣйствія обуславливаются не только необходимыми причинами, но и свободно поставленными цѣлями, чѣмъ объяснить то *постоянство* ихъ, о которомъ свидѣтельствуется моральная статистика и которое дѣлаетъ возможнымъ примѣненіе теоріи вѣроятностей къ изученію социальныхъ явленій? Объясненіе этого постоянства нужно искать, мнѣ кажется, съ одной стороны въ *координаціи причинъ*, управляющихъ волей, съ другой—въ *координаціи ея цѣлей*. Психологическія причины волевыхъ дѣйствій (темпераментъ, характеръ, умственный складъ, привычки, страсти) стоятъ въ зависимости отъ условій окружающей человѣка физической и общественной среды; а такъ-какъ эти условія постоянны, то постоянны и порождаемые ими дѣйствія. Въ свою очередь цѣли человѣческихъ дѣйствій находятся въ

постоянной зависимости другъ отъ друга. Частныя цѣли индивидуума подчиняются его общимъ цѣлямъ; индивидуальныя цѣли подчиняются цѣлямъ социальнымъ; наконецъ, и индивидуальныя, и социальныя цѣли подчинены одной, универсальной цѣли, которою мы должны признать нравственный идеаль. Благодаря этой координаціи цѣлей ихъ случайныя противорѣчія сглаживаются, и разнообразіе обусловленныхъ ими человѣческихъ дѣйствій сводится къ извѣстному однообразію. Подчиненіе частныхъ цѣлей человѣка его общимъ цѣлямъ образуетъ изъ нихъ своего рода *индивидуальную систему*, которая даетъ намъ возможность предвидѣть его поступки; подчиненіе личныхъ цѣлей отдѣльнаго человѣка цѣлямъ человѣческаго общества создаетъ *соціальный порядокъ*, обуславливающій постоянство массовыхъ проявленій человѣческой дѣятельности; наконецъ, подчиненіе индивидуальныхъ и социальныхъ цѣлей одной общей міровой цѣли служить основой *нравственнаго міропорядка*, который долженъ превратить однообразіе индивидуальныхъ дѣйствій и постоянство социальныхъ явленій въ абсолютную гармонию высшихъ сверхиндивидуальныхъ и сверхсоциальныхъ отношеній. Нравственный міропорядокъ не воплощенъ въ существующей дѣйствительности. Онъ есть только идеальная цѣль человѣческихъ стремленій, и содѣйствовать его осуществленію составляетъ долгъ cadaго изъ насъ.

Эти замѣчанія я, конечно, не считаю возраженіями противъ положеній референта. Въ нихъ я вижу лишь развитіе нѣкоторыхъ его взглядовъ и питаю увѣренность, что въ существенномъ онъ будетъ со мною согласенъ“.

П. А. Некрасовъ поблагодарилъ оппонента за сдѣланныя разъясненія и сказалъ, что онъ съ ними вполне согласенъ.

За позднимъ временемъ, пренія на этомъ и прекратились, хотя и было заявлено еще нѣсколькими лицами объ имѣющихся у нихъ возраженіяхъ. Предполагались между прочимъ возраженія проф. Л. М. Лопатина и наши.

Недѣлю спустя, 1 февраля с. г. состоялось новое засѣданіе психологическаго общества, на которомъ г. Ф. В. Софроновъ (земскій врачъ, но не мало занимающійся социологіей и уже выступавшій въ печати съ своими работами) прочиталъ рефератъ: „Математика и умозрѣніе въ социологіи“, посвященный критическому разбору книги П. А. Некрасова. Референтъ

выступилъ рѣшительнымъ противникомъ разбираемой книги, можно сказать, по всѣмъ частямъ. Рефератъ написанъ очень живо и даже рѣзко. Основная мысль его — та, что *мы не имѣемъ права вводить умозрительныя понятія въ разработку чисто научныхъ вопросовъ*. Съ этой точки зрѣнія попытка П. А. Н.—ва соединить казвальное объясненіе соціальныхъ процессовъ съ индетерминистическимъ должна быть совершенно отвергнута. Не вдаваясь въ сколько нибудь подробное изложеніе этого реферата, мы здѣсь намѣтимъ только порядокъ главныхъ мыслей его. Референтъ прежде всего далъ сжатый очеркъ Кантовской теоріи познанія, объявивъ при этомъ взгляды Канта въ настоящее время дѣликомъ обязательными для всякаго философски образованнаго и научно мыслящаго человѣка. Затѣмъ онъ перешелъ къ обстоятельной защитѣ позитивизма отъ тѣхъ упрековъ, какіе дѣлаетъ ему П. А. Н., при чемъ прослѣдилъ историческій ростъ позитивизма, начиная съ Огюста Конта, продолжая англійскими позитивистами (Милль, Спенсеръ, Льюисъ, Бэнъ), нѣмецкими матеріалистами и позитивистами и оканчивая Вундтомъ и позитивистами-соціологами. Несостоятельность упрековъ позитивизму, по мнѣнію автора, лишаетъ всю книгу Некрасова доказательности. Послѣ этого референтъ сказалъ, что разбираемая имъ книга претендуетъ защитить ученіе о свободѣ воли, и, открывши въ ней три доказательства въ пользу этого ученія,—интуитивно-нравственное, религіозное и математическое,—остановился на разборѣ послѣдняго (два первыхъ, какъ уже старыя и неразъ по достоинству оцѣненныя доказательства, онъ оставилъ въ сторонѣ). Такъ какъ цѣнность этого доказательства въ концѣ концовъ зависитъ отъ рѣшенія вопроса объ отношеніи умозрѣнія къ опыту, то референтъ и остановился подробно на изложеніи своихъ взглядовъ на этотъ предметъ. Авторъ здѣсь всецѣло примкнулъ къ выводамъ Кантовой „Критики чистаго разума“ и утверждалъ, что хотя умозрительныя понятія и могутъ соединяться съ опытомъ, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой это оправдывается опытомъ;—что, напротивъ, подтверждаться въ какомъ либо отношеніи умозрѣніемъ наука отнюдь не можетъ и что вообще „наложеніе на дѣйствительность умозрительныхъ схемъ“ было бы выраженіемъ крайней некритичности и ненаучности. Посему и вводитъ въ объ-

ясненіе эмпирически даннаго соціального процесса умозрительное понятіе свободной воли мы не имѣемъ никакого права. Философія по его словамъ, можетъ быть лишь общей формой науки, но въ дѣла ея мѣшаться не должна и даже, „говоря нѣсколько парадоксально, задача философій—сдѣлать себя ненужной для науки“. Въ заключеніе г. Софроновъ высказался рѣшительно въ отрицательномъ смыслѣ противъ попытокъ идеалистической переработки соціологии. Идеализмъ, по его словамъ, обыкновенно является спутникомъ тяжелой соціальной атмосферы и, пожалуй, предвѣстникомъ нѣкотораго освѣженія, которое можетъ быть внесено только струей здраваго реализма.

Оппонентами выступили: проф. *А. И. Введенскій*, мы, проф. *Л. М. Лопатинъ* и одинъ молодой натуралистъ (если мы не ослышались въ фамиліи) г. *Багинскій*.

Первый оппонентъ говорилъ въ защиту идеализма и телеологическаго принципа въ исторіи (въ духѣ Фулье). Второй упрекалъ референта въ усвоеніи книгѣ Некрасова большихъ притязаній, чѣмъ сколько она имѣетъ въ дѣйствительности, въ двойственности его основной философской точки зрѣнія (стараніе соединить Кантовскій критицизмъ съ позитивизмомъ), въ некритичномъ отношеніи къ Канту (игнорированіе допущеннаго самимъ Кантомъ догматизма въ постановкѣ и рѣшеніи гносеологической проблемы, равно какъ и результатовъ, достигнутыхъ послѣ-кантовской критической философіей), въ непослѣдовательности при разграниченіи умозрѣнія и опыта (понятіе причинности, необходимое въ наукѣ, есть однако умозрительное понятіе) и, наконецъ, въ отсутствіи критической осторожности при сужденіи о метафизикѣ (отрицательное рѣшеніе метафизическихъ вопросовъ съ критической точки зрѣнія есть столь же ничѣмъ не оправдываемый догматизмъ, какъ и положительное, между тѣмъ какъ референтъ замѣтно склоняется къ отрицательному) ¹⁾. *Л. М. Лопатинъ* тоже указалъ на смѣшеніе у референта кри-

¹⁾ Въ связи съ этимъ послѣднимъ возраженіемъ мы высказали мысль о возможности, не поступаясь принципами критицизма, разработывать и въ настоящее время гипотетическую метафизику. Эту мысль мы иллюстрировали проектомъ подобнаго обсужденія вопроса о свободѣ воли. Ниже мы въ такомъ именно духѣ, но болѣе подробно излагаемъ свои воззрѣнія по этому вопросу.

тической и позитивистической точекъ зрѣнія и настаивалъ на необходимости точнаго ихъ разграниченія (колебаніе въ этомъ пунктѣ порождаетъ, напр., шаткость въ весьма важныхъ для основной мысли реферата сужденіяхъ о происхожденіи и значеніи математическихъ понятій), а затѣмъ оспаривалъ взглядъ референта на взаимоотношеніе умозрѣнія и опыта (умозрительныя понятія необходимы для развитія науки, а ограниченіе данными чистаго опыта было бы только тормозомъ для нея). Наконецъ, послѣдній оппонентъ, присоединяясь къ заключительнымъ замѣчаніямъ Л. М. Лопатина, развивалъ положеніе, что *наука состоитъ изъ идей*, а накопленіе опытныхъ данныхъ далеко еще не создаетъ ея. Свои сужденія онъ подкрѣплялъ рядомъ блестящихъ примѣровъ изъ физики и астрономіи.

Мы видѣли, сколько разнородныхъ вопросовъ затронуты книгой П. А. Некрасова и сколько новыхъ вопросовъ поднято въ обсужденіяхъ ея. Книга, вызывающая большіе споры и разногласія, есть во всякомъ случаѣ полезное явленіе въ умственной жизни своего времени, какъ бы мы ни смотрѣли на достоинство развиваемыхъ авторомъ взглядовъ.

Всматриваясь въ изложенныя пренія по поводу книги П. А. Некрасова, мы должны признать, что главное ея *собственно научное содержаніе* преніями не только ничуть не подорвано, но даже очень мало ими затрогивалось. Это собственно научное содержаніе сводится къ слѣдующимъ тремъ утвержденіямъ или требованіямъ:

1) примѣнимость *теоріи вѣроятностей* къ изученію социальныхъ явленій;

2) необходимость включить въ число факторовъ социального процесса *психику* человѣка съ ея интеллектуальными, моральными, эстетическими и религіозными стремленіями;

3) необходимость въ виду этого реформировать программу собиранія *статистическихъ* данныхъ, каковое собираніе теперь часто бываетъ проникнуто позитивистическими и материалистическими тенденціями ¹⁾.

¹⁾ При изложеніи содержанія книги П. А. Некрасова, мы не касались тѣхъ ея отдѣловъ, которые содержатъ указанія на новыя задачи статистики. Теперь же, чтобы не оставаться голословными, мы приве-

Пренія касались либо частныхъ въ пониманіи психики,— въ чемъ диспутантъ, разумѣется, могъ смѣло уступить сво-

демь одну выдержку, дающую, по словамъ автора, „общій планъ усовершенствованной логической схемы для изслѣдованія такого массоваго процесса, который въ ходѣ своихъ массовыхъ случайныхъ событий представляетъ ту и другую регулярность (частію фатальную, частію свободную)“. Подробности этой схемы находимъ въ III главѣ (стр. 49—67), названный же „общій планъ“ и комментаріи къ нему—въ 9 и 10 параграфахъ I главы. „Данный естественный массовый процессъ, говоритъ здѣсь авторъ, можетъ быть нестационарнымъ въ продолжительный промежутокъ времени. Въ такомъ случаѣ этотъ промежутокъ времени подраздѣляется на меньшіе промежутки такъ, чтобы въ эти послѣдніе промежутки массовый процессъ былъ стационарнымъ (для каждаго промежутка). Затѣмъ при изслѣдованіи массоваго стационарнаго процесса нужно проанализировать слѣдующую обширную и сложную работу.

I. Тщательнымъ наблюденіемъ привести въ извѣстность всѣ *доступныя* познающему уму достовѣрныя *данныя*, отъ которыхъ могутъ зависѣть свойственныя массовому процессу явленія, и по возможности опредѣлить отношеніе этихъ данныхъ къ упомянутымъ явленіямъ. Въ число этихъ данныхъ должны войти имѣющія мѣсто въ массовомъ процессѣ достовѣрныя условія, причины, вліянія, силы, цѣли и вообще всякія обстоятельства, способныя оказать какое либо воздѣйствіе на ходъ явленій, совершающихся въ этомъ массовомъ, процессѣ.

II. Выдѣлить въ массовомъ процессѣ явленія *случайныя*, т. е. такія, которыя, несмотря на вышеуказанное тщательное изученіе данныхъ и ихъ отношеній къ этимъ явленіямъ, остались невыясненными со стороны дѣйствія на нихъ *опредѣленныхъ* причинъ.

III. Подраздѣлить массовый процессъ на составляющіе его болѣе или менѣе *изолированныя* простые процессы, въ которыхъ совершаются случайныя явленія, тщательно изучая индивидуальныя свойства каждаго простаго процесса и отношеніе его къ окружающей средѣ, приурочивая къ нимъ по принадлежности вышеуказанныя случайныя явленія, оцѣнивая напряженіе и направленіе ихъ попарной взаимной стационарной зависимости посредствомъ вышеуказаннаго *числоваго* опредѣленія и стараясь посредствомъ этой оцѣнки постигнуть общее стационарное состояніе, въ которомъ находится массовый процессъ.

IV. Примѣнять къ случайнымъ явленіямъ, кои въ силу изолированности вышеуказанныхъ простыхъ процессовъ окажутся взаимно *независимыми*, теорію *среднихъ величинъ*, дающую по отношенію къ нимъ *точные свободныя законы*.

На основаніи этой схемы получаютъ помощію теоріи среднихъ величинъ математически выраженные законы по отношенію къ массовымъ стационарно независимымъ случайнымъ явленіямъ. Эти законы можно назвать *свободными законами стационарнаго состоянія* свободнаго массоваго процесса. Законы статистическіе принадлежатъ къ этой категоріи.....

имъ противникамъ, нисколько не отказываясь отъ своихъ принципиальныхъ требованій,—либо *философскихъ* выводовъ и предположеній диспутанта и ихъ отдаленныхъ политическихъ и педагогическихъ слѣдствій. Конечно, нельзя сказать, чтобы эти философскіе выводы и предположенія были совершенно безразличны для самой его научной схемы; нѣ-

Первый пунктъ вышеуказанной схемы соотвѣтствуетъ тому болѣе старому взгляду на статистику и исторію, который можно назвать направлениемъ *Ахенвалля* и *Шлецера*; четвертый же пунктъ соотвѣтствуетъ болѣе новому взгляду на статистику, который извѣстенъ подъ именемъ направленія *Эссмильха* и *Кетле*. Оба эти направленія шли рядомъ, пока второе направленіе не перешло въ Миллевско-Вагнеровское. Съ тѣхъ поръ это направленіе и старое (Ахенвалевско-Шлецеровское) стали отвергать одно другое; попытки примирить эти два направленія оказывались неудачными.....

Ахенвалевско-Шлецеровское направленіе статистическаго и историческаго изслѣдованія—*описательное* и занимается изученіемъ всѣхъ сторонъ государства, поскольку онѣ имѣютъ цѣлью благосостояніе государства какъ въ настоящемъ (по Ахенваллю), такъ и въ прошедшемъ (по Шлецеру). Это направленіе нѣмецкой статистики и исторіи разрабатывали ихъ послѣдователи. Такъ *Ниманъ*, *Йонакъ*, *Моне*, *Штейнъ* и другіе распространили задачи этой статистики на описаніе сторонъ не только государственной, но и всякой общественной жизни. Штейнъ дѣлитъ описательную статистику на три части: 1) *статистика состояній*, имѣющая цѣлью представить совокупность условій личной жизни, 2) *статистика цѣлей*, разсматривающая состоянія и факты, какъ условія новыхъ состояній, создаваемыхъ человѣческой дѣятельностью, и 3) *статистика силъ* и ихъ дѣйствія, устанавливающая размѣръ и родъ средствъ для данной цѣли.

Въ Германіи нашелся такимъ образомъ среди университетскихъ профессоровъ и ученыхъ сильный противовѣсъ Миллевско-Вагнеровскому направленію статистики. Но и во Франціи еще не заглохло старое направленіе въ изслѣдованіи правильнымъ статистическимъ методомъ массовыхъ общественныхъ явленій. Главнымъ представителемъ этого направленія является горный инженеръ *Ле-Пле*, основавшій *монографическій методъ* въ статистическихъ описаніяхъ нравственныхъ условій семейнаго быта..... Теорія среднихъ величинъ въ примѣненіи къ изслѣдованію проявленій общественной жизни прежде всего требуетъ именно описанія различныхъ условій, вліяній, цѣлей и состояній..... Всѣ эти описанія на будущее время желательно болѣе согласовать съ усовершенствованною логическою схемою. Изученіе изоляціи и опирающейся на нее независимости или свободы вмѣстѣ съ изученіемъ по напряженію и направленію вліяній, создающихъ изоляцію и свободу, должно составлять существенную сторону въ этомъ усовершенствованіи описательной статистики (стр. 40—44)“.

которые изъ нихъ связаны съ нею довольно органически;—но, во всякомъ случаѣ, сколь бы сильной и даже сокрушительной мы ни признали собственно философскую оппозицію, *научное достоинство книги остается непоколебленнымъ*. Авторъ можетъ не настаивать на общеобязательности не только своихъ политическихъ и религіозныхъ взглядовъ (что само собою понятно), но и на свободѣ воли (потому что и детерминистъ можетъ быть идеалистомъ и признавать духовно нравственную личность соціальной силой) и на Лейбницевской философіи (потому что для людей, ищущихъ выхода отъ крайностей позитивизма и матеріализма, не сошелся же свѣтъ клиномъ на Лейбницѣ, есть не мало и другихъ системъ, даже болѣе отвѣчающихъ этой нуждѣ). Но его „усовершенствованная логическая схема“, намъ думается, должна быть принята соціологами. Мы, не владѣя нужными знаніями по статистикѣ и ея методамъ, не беремся, разумѣется, судить о томъ, насколько эта схема практически осуществима, и насколько плодотворными окажутся общаемые П. А. Некрасовымъ положительные результаты ея примѣненія;—вдаваться въ подробную научную оцѣнку ея мы и не собирались, предоставляя это специалистамъ соціологіи и статистики ¹⁾, а хотѣли лишь познакомить своихъ читателей съ тѣми новыми горизонтами, какіе открываетъ для наукъ объ обществѣ эта „схема“;—но принципиально мы считаемъ себя вправѣ высказать свое полное согласіе съ этой схемой, и оставаясь на чисто философской точкѣ зрѣнія. Мы не думаемъ, чтобы матеріалистическое пониманіе соціальныхъ и историческихъ процессовъ можно было серьезно и научно отстаивать во всей его исключительности.

Мы намѣренно подчеркиваемъ указанное выше разграниченіе научной и философской стороны въ книгѣ П. А. Некрасова. Критики его книги обязаны имѣть въ виду это различіе и полемику противъ философскихъ выводовъ и

¹⁾ Любопытно однако отмѣтить, что и соціологи,—въ родѣ, напримѣръ, г. Софронова,—предпочитаютъ подвергать критикѣ философскія воззрѣнія автора, а не тѣ три приведенныхъ выше основныхъ положенія, къ скоторымъ, какъ мы сказали, сводится главное собственно научное содержаніе книги. Не есть ли это косвенное признаніе полной справедливости и научной пригодности этихъ основныхъ положеній?

предположеніи отнюдь не выдавать за опроверженіе обставленнаго этой философской арматурой собственно научнаго содержанія. Сказаннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы въ предлагаемыхъ нами ниже поправкахъ къ воззрѣніямъ автора на свободу воли не усматривать попытки сколько нибудь подрывать научное значеніе его работы.

Философское содержаніе и философскій интересъ книги, какъ можно судить по приведеннымъ тезисамъ и преніямъ, не ограничиваются вопросомъ о свободѣ воли. Въ ней затронута много другихъ — гносеологическихъ, метафизическихъ, этическихъ и богословскихъ темъ. Но обсужденіе воззрѣній автора по всѣмъ этимъ вопросамъ чрезвычайно расширило бы рамки и безъ того очень обширной нашей рецензій. Поэтому мы ограничимся лишь замѣчаніями о свободѣ воли и отношеніи ея къ закономѣрности социальныхъ процессовъ. Этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ, ближе и тѣснѣе другихъ философскихъ вопросовъ связанъ съ научными принципами автора.

Въ рѣшеніи-же вопроса о свободѣ воли главное философское значеніе книги П. А. Некрасова вмѣстѣ съ другими рецензентами и оппонентами мы полагаемъ въ томъ, что она *провозглашаетъ и довольно оригинально обосновываетъ совместимость свободы воли съ закономѣрностью социальныхъ и историческихъ процессовъ*. Это, конечно, не есть *доказательство* существованія свободы воли (подобно тому, какъ и несовмѣстимость свободы съ социальной и исторической закономѣрностью, рассуждая съ чисто логической точки зрѣнія, еще не составляетъ доказательства ея несуществованія); но этимъ *устраняется одинъ изъ сильныхъ косвенныхъ доводовъ* противъ свободы воли¹⁾: отрицаніе строгой закономѣрности социальныхъ процессовъ, — если бы оно провозглашалось для защиты ученія о свободной волѣ, — скорѣе скомпрометировало бы защищаемую доктрину, чѣмъ содѣйствовало бы признанію ея истинности, не смотря на то, что чисто теоретически такое отрицаніе вполне возможно и ничего абсурднаго въ себѣ не заключаетъ. Книга

¹⁾ Впрочемъ, мы полагали-бы, что попытка собирать статистическія данныя по программѣ, въ принципѣ допускающей участіе въ социальныхъ процессахъ свободной воли, могла бы оказать услугу философіи, доставивши нѣкоторый фактический матеріалъ для обсужденія проблемы свободы.

П. А. Некрасова важна, какъ серьезная научная попытка уничтожить заинтересованность социологии и исторіи непременно въ отрицательномъ рѣшеніи вопроса о свободѣ, чѣмъ расчищается путь научному безпристрастію въ его разработкѣ; ничто такъ не мѣшаетъ удовлетворительной обработкѣ философскихъ проблемъ, какъ разнаго рода посторонніе интересы, связанные съ ними. Другіе затронутые и вызванные книгой вопросы, какъ мы сказали, менѣе существенно связаны съ ея главной мыслью. Это обстоятельство имѣетъ двоякое значеніе: съ одной стороны, конечно, хорошо, что серьезные предметы лишній разъ подверглись научному и философскому обсужденію; но съ другой стороны, обиліе этихъ менѣе важныхъ для главной мысли вопросовъ способно нѣсколько помѣшать ея правильной оцѣнкѣ, потому что люди, несогласные съ той или иной изъ этихъ многочисленныхъ частныхъ, легко вовлекаются въ оппозиціонное или даже отрицательное отношеніе ко всей книгѣ, противъ чего мы выше и сочли нужнымъ выдвинуть разграниченіе собственнаго научнаго и философскаго ея содержанія. Это отчасти можно было наблюдать и во время преній 25 янв. и 1 февр.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію нашихъ взглядовъ по главному философскому вопросу, затрогиваемому авторомъ и его рецензентами и оппонентами, т. е. по вопросу о свободѣ воли, намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о своихъ впечатлѣніяхъ отъ всѣхъ письменныхъ и устныхъ обсужденій книги П. А. Некрасова, которыя изложены нами выше.

Большинство возраженій, какъ мы видѣли, направлялись противъ тезиса 8, который, наконецъ, и самимъ П. А. Н-ымъ былъ признанъ за формулированный неудачно. Но пренія, на нашъ взглядъ, выяснили не только неудачность формулировки, но и самой мысли о производномъ характерѣ волевыхъ актовъ. Этотъ 8-й тезисъ, затѣмъ, почти всѣми оппонентами разсматривался, какъ содержащій *опредѣленіе* свободной воли. Это намъ кажется неправильнымъ. Строго говоря, опредѣленія свободной воли у Н—ва нѣтъ, и его можно лишь извлекать изъ различныхъ мѣстъ его книги и тезисовъ,—обстоятельство, не замѣченное и не использованное надлежащимъ образомъ критиками. Поэтому пренія о сво-

бодѣ воли въ большинствѣ казались намъ страдающими тѣмъ логическимъ недостаткомъ, который называется *ignotatio elenchi*. Кн. Цертелевъ сдѣлалъ было попытку остановиться на самомъ понятіи свободы, но диспутантъ отклонилъ ее. Затѣмъ, П. П. Соколовъ указалъ на антиномію свободы и причинности, хотя опредѣленія свободы не касался. Остальные же оппоненты, разсуждая о свободѣ воли, отнюдь не давали понять, что они подъ нею разумѣютъ. Въ печатныхъ рецензіяхъ А. И. Введенскаго и С. С. Глаголева мы встрѣчаемся съ правильнымъ пониманіемъ дѣла, но не находимъ никакого протеста противъ формулы тезиса 5 въ той его части, которая касается свободы. Эта недоговоренность чувствовалась нами въ теченіе всѣхъ преній, а особенно сильно во время возраженія проф. Андреева, когда онъ сказалъ, что считаетъ понятіе свободной воли тавтологическимъ выраженіемъ. И мы имѣли самое рѣшительное намѣреніе указать на это, но не исполнили такового лишь по недостатку времени.

Возраженія противъ приурочиванія „усовершенствованной логики“ социальной науки къ Лейбницевской монадологіи, какъ къ ея философскому основанію, совершенно справедливы въ томъ смыслѣ, что этимъ создается какъ-бы препятствіе для благопріятнаго приема въ кругу приверженцевъ другихъ философскихъ доктринъ, хотя и не позитивистическихъ. Кромѣ того, проблема свободы воли въ Лейбницевой философіи поставлена далеко не наилучшимъ образомъ. Но не трудно видѣть, что эта усовершенствованная логика ничего не потеряетъ, если и лишитъ ее указываемаго для нея авторомъ философскаго базиса, равно какъ и нисколько не приобрѣтаетъ, опираясь на этотъ базисъ. Лейбницевскій монадизмъ такимъ образомъ, остается въ данномъ случаѣ личной философіей П. А. Некрасова, гармонирующей съ его логикой социальной науки, но не дѣлающей послѣднюю неудобоприемлемой для приверженцевъ другихъ философскихъ доктринъ.

Отрицательное отношеніе автора къ *эволюціонной теоріи* можетъ считаться существенною принадлежностью его индетерминизма лишь постольку, поскольку эволюціонизмъ идетъ объ руку съ матеріализмомъ. Конечно, по нынѣшнему времени выступать противъ эволюціи стало даже какъ то не-

прилично; но, во-первыхъ, для философа неприкосновенныхъ догматовъ не должно существовать, а во-вторыхъ, не такъ ужъ перасторжимо и эволюціонизмъ связанъ съ матеріализмомъ.

Болѣ всего, повидимому, пріобрѣтеть противниковъ своей книгѣ П. А. Некрасовъ (насколько можно судить по возраженіямъ В. А. Гольцева и Ф. В. Софронова и по нѣкоторымъ другимъ признакамъ) своимъ *политическимъ credo*. Но нужна большая доза нетерпимости, чтобы изъ-за этого не видѣть научныхъ достоинствъ книги. Вѣдь предлагаемая ею „усовершенствованная логическая схема“ сама по себѣ безусловно нейтральна по отношенію къ той или иной политической программѣ, потому что всѣ понятія, съ которыми она имѣетъ дѣло суть чисто формальныя. Это надо сказать и о различеніи свободы „благотворной“ и „неблаготворной“: что мы будемъ разумѣть подъ тою и другою,—зависитъ отъ того содержанія, какимъ мы наполняемъ въ своемъ сознаніи понятіе „конкретной гражданской свободы“ (ср. стр. 120). А отсюда и объектомъ „охраняющаго гражданскую свободу *стѣсненія*, выражающагося въ нравственной и гражданской дисциплинѣ и въ другихъ условіяхъ“ (тамъ же), могутъ быть весьма различныя вещи: въ Россіи запрещается и преслѣдуется одно, во Франціи совсѣмъ другое, въ Турціи нѣчто еще иное... И если П. А. Некрасовъ, сообразно своимъ политическимъ убѣжденіямъ, мыслить подъ благотворною гражданской свободой известное содержаніе, то представители противоположныхъ политическихъ взглядовъ вполне могутъ это содержаніе замѣнить инымъ, не отказываясь отъ самой „логической схемы“ и ея научныхъ основаній. Вообще, для насъ совершенно непонятна такая логика, которая запрещаетъ религіозному человѣку пользоваться умными изреченіями „атеиста“, хотя бы и не касающимися религіи, или „либералу“ признавать научныя заслуги „консерватора“ даже въ области прикладной математики.

Что касается возраженій противъ книги П. А. Нв—а, слѣдующихъ съ точки зрѣнія критической теоріи познанія (г. Софроновымъ), то мы, вполне соглашаясь какъ съ этою точкою зрѣнія, такъ и съ основной мыслью автора,—что въ разработку чисто научныхъ вопросовъ не слѣдуетъ вносить

умозрительныхъ понятій, не находимъ всетаки этихъ возраженій сколько нибудь серьезно подрывающими научное достоинство книги Н—ва, потому что послѣдняя вводитъ понятіе свободы не въ качествѣ чисто умозрительнаго понятія, а въ качествѣ одной изъ данныхъ внутренняго опыта, въ качествѣ одной изъ силъ соціального процесса, подлежащихъ учету статистическимъ и математическимъ методомъ. И вѣдь самъ же г. Софроновъ признаетъ, что умозрительныя понятія, *поскольку они реализованы въ опытѣ*, не подлежатъ изгнанію изъ науки.

Прочіе пункты разногласія П. А. Н—ва съ своими оппонентами—не слишкомъ важны.

Переходимъ теперь къ проблемѣ свободы и посмотримъ, въ какомъ отношеніи къ ея рѣшенію стоитъ идея законмѣрности соціальныхъ процессовъ.

Мы видѣли, что примѣненіе математическаго метода (т. е. формулъ теоріи вѣроятностей) къ изученію массовыхъ проявленій человѣческой дѣятельности, предлагаемое и горячо защищаемое въ изслѣдованіи П. А. Некрасова, *предполагаетъ*, какъ свое *conditio sine qua non*, извѣстную *закономѣрность* въ соціальныхъ явленіяхъ (тез. 13. 14. 16). Всякая законмѣрность мыслима обыкновенно лишь въ сферѣ явленій, подчиненныхъ *закону причинности*;—всякое однообразіе и правильность неизбѣжно отсылаютъ нашу мысль къ порождающимъ ихъ причинамъ (ср. тез. 5). Такъ какъ *массовыя* проявленія человѣческой дѣятельности представляютъ лишь сумму входящихъ въ ихъ составъ *индивидуальныхъ* дѣятельностей, то само собою понятно, что признаніе законмѣрности въ первыхъ *implicite* содержитъ въ себѣ признаніе *закономѣрности и всякой индивидуальной дѣятельности*, т. е. подчиненіе ея тому же закону причинности,—ибо вѣдь въ суммѣ не можетъ быть того, что не дано въ слагаемыхъ. Оставаясь послѣдовательнымъ, соціологъ не можетъ не признать причинно обусловленными и всѣ индивидуальныя дѣятельности. Каждый человѣческій поступокъ есть продуктъ изв. *физиологическихъ и психологическихъ* условій. Слѣдовательно, индивидуальная чел. дѣятельность подчинена законамъ физиологической и психологической причинности, что и признается П. А. Некрасовымъ (ср. тез. 3. 4. 5). Казалось бы, съ методологической точки зрѣнія положеніе соціолога въ этомъ

случаѣ очень просто: опираясь на „данныя физиологіи и психологіи“ (тез. 3), устанавливающія законы индивидуальной дѣятельности, изучать массовыя проявленія, какъ *виды суммированія* единичныхъ психо-физиологическихъ продуктовъ (поступковъ). Но тотъ самый законъ причинности, который образуетъ основное методологическое предположеніе всякаго научнаго изслѣдованія, будучи примѣняемъ къ объясненію индивидуальной человѣческой дѣятельности, вступаетъ въ противорѣчіе съ свидѣтельствомъ нашего самосознанія. Связь дѣйствія съ причиной отличается характеромъ *необходимости*. Это — истина самоочевидная. Самосознаніе же наше свидѣствуетъ, что въ нашихъ поступкахъ чего либо рокового, неизбѣжнаго нѣтъ (по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ, которые мы сознательно считаемъ совершенными именно нами); слѣдовательно, признакъ необходимости въ отношеніяхъ нашихъ сознательныхъ поступковъ къ ихъ психо-физическимъ условіямъ самосознаніемъ *отрицается*. Здѣсь мы дѣйствительно имѣемъ, какъ справедливо указалъ П. П. Соколовъ, *антиномію*. Такіе не связанные необходимо съ своими предшествующими условіями акты воли и называются *свободными*. Такимъ образомъ, понятіе свободы въ примѣненіи къ волѣ берется, какъ *отрицаніе ея причинной обусловленности*. Воля, поскольку свободна, — не подчинена закону причинности, а поскольку подчинена, — не свободна. Едва ли надо говорить, что самосознаніе отнюдь не свидѣствуетъ намъ о свободѣ *всѣхъ* рѣшеній нашей воли. Напротивъ, причинную зависимость большинства такихъ рѣшеній отъ предшествующихъ условій безпрекословно подтверждаетъ самосознаніе *всѣхъ* способныхъ къ самонаблюденію людей. Вопросъ о свободѣ воли всегда есть вопросъ только о свободѣ *нѣкоторыхъ* (сравнительно очень немногочисленныхъ) сознательно избранныхъ рѣшеній. Но и въ этомъ случаѣ противорѣчіе съ принципомъ причинности все равно остается во всей силѣ („нѣтъ дѣйствій безъ причины“; „есть дѣйствія безпричинныя“) и является большимъ скандаломъ для научнаго мышленія. Предъ мыслителями, занимавшимися изслѣдованіемъ этой антиноміи, искони открывались три пути:

- 1) отрицать всеобщность закона причинности;
- 2) истолковывать свидѣтельство нашего самосознанія, какъ субъективную иллюзію, т. е. отрицать свободу;

3) признать эту антиномію неразрѣшимой.

Исторія философіи знаетъ представителей всѣхъ трехъ рѣшеній. Детерминизмъ, индетерминизмъ и точка зрѣнія Кантовскаго критицизма—вотъ три откровенныхъ и, отвлеченно разсуждая, законныхъ воззрѣнія на свободу и причинность. Для защитниковъ свободы воли естественно остается только первый путь. Но вотъ тутъ то и открывается предъ историкомъ любопытное зрѣлище совершенно не-философской робости мысли: большинство индетерминистовъ усиленно стараются оградиться отъ упрековъ въ отрицаніи всеобщности закона причинности и для этого опредѣляютъ самую свободу воли, какъ особый видъ причинности. Этотъ замаскированный детерминизмъ служитъ источникомъ безконечной путаницы и недоразумѣній въ разсужденіяхъ о свободѣ воли. Это,—если можно такъ выразиться,—*детерминистическое пониманіе свободы воли* присуще и П. А. Некрасову, и большинству его оппонентовъ (ср. тез. 5, 8 и др.). Противъ него то намъ и хотѣлось бы самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовать.

Что такое свобода воли?

Понятіе свободы есть одно изъ самыхъ неопредѣленныхъ и растяжимыхъ понятій. Терминъ „свобода“ употребляется въ чрезвычайно различныхъ, болѣе или менѣе обширныхъ, значеніяхъ. Въ своемъ самомъ обширномъ значеніи онъ прилагается въ качествѣ предиката не только къ волѣ человѣческой, но даже и къ неодушевленнымъ предметамъ и физическимъ явленіямъ. Часто говорятъ, напр.: „свободное мѣсто“ (=никѣмъ или ничѣмъ не занятое); механика говоритъ о „свободномъ“ паденіи тѣлъ и „свободномъ“ движеніи (въ пустотѣ); физика—о „свободномъ“ электричествѣ химія—о „свободномъ“ водородѣ и т. п.; эстетика—о „свободномъ“ творчествѣ, „свободной“ красотѣ и т. д.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ признакъ „свободный“ указываетъ только на отсутствіе какого-либо ограниченія или стѣсненія для обнаруженія свойствъ или состояній тѣхъ предметовъ, къ которымъ онъ прилагается. Если человѣкъ, стремясь осуществить свое намѣреніе, не встрѣчаетъ препятствія, то его дѣйствіе мы можемъ съ этой точки зрѣнія назвать свободнымъ. Такую свободу приписываетъ себѣ человѣкъ, когда говоритъ: „я могу сдѣлать то, что хочу“.

Но пониманіе свободы въ этомъ обширномъ смыслѣ, будучи приложено къ дѣйствіямъ человѣка, не проводитъ, собственно говоря, никакой грани между дѣйствіями человѣка произвольными и непроизвольными и, слѣд., не оправдывается свидѣтельствомъ нашего сознанія, потому что это сознаніе ясно различаетъ дѣйствія собственно *нами* сознательно опредѣленныя и избранныя отъ дѣйствій вызванныхъ внѣшнимъ принужденіемъ, и отъ дѣйствій, рефлексивныхъ и автоматическихъ. Эта свобода, какъ справедливо замѣчаетъ Дробишъ ¹⁾, есть только внѣшняя и обозначаетъ не иное что, какъ только то, что человѣкъ не стѣсненъ въ возможности вносить во внѣшній міръ измѣненія, соотвѣтствующія его внутреннимъ стремленіямъ. Допустимъ теперь, что внутреннія наши стремленія и, вообще, направленіе нашей воли—всегда себѣ самимъ равны, подобно тому, какъ во всякомъ тѣлѣ, въ силу закона инерціи есть постоянное, всегда себѣ равное, стремленіе—неизмѣнно пребывать въ томъ состояніи, въ какое оно разъ поставлено (будь то состояніе покоя или состояніе движенія). Тогда не могло-бы быть и рѣчи ни о какой другой свободѣ, кромѣ этой. Но тогда, соглашаясь съ Спинозою, что „*unaquaeque res, quantum in se est, in suo esse perseverare conatur*“ и „*conatus, quo unaquaeque res in suo esse perseverare conatur, nihil est, praeter ipsius rei actualem essentiam*“, мы должны бы были признать это всегда себѣ самому равное направленіе нашей воли сущностью (*essentia*) нашего духа. А такъ какъ сущность вещи, если обнаруживается, то обнаруживается съ неизбѣжной необходимостью, то эту свободу или нестѣсненность въ обнаруженіи сущности духа человѣческаго, мы, собственно говоря, не могли бы и считать свободой. Вѣдь, если камень, будучи подброшенъ вверхъ и затѣмъ, въ силу тяготѣнія, падая на землю, безпрепятственно совершаетъ это паденіе, то мы не приписываемъ ему свободы въ собственномъ смыслѣ... Слѣдовательно, свободу воли нужно искать не въ томъ, что человѣкъ можетъ сдѣлать, что хочетъ, а въ томъ, что онъ можетъ хотѣть иначе, чѣмъ хочетъ въ каждый данный моментъ, что направленіе его

¹⁾ *Drobisch*, Die moral. Statistik und die menschliche Willensfreiheit, SS. 58—59.

воли не всегда себѣ самому равно. „Само собою ясно, говорить Вл. Соловьевъ, что я могу дѣлать то, что хочу; что мои дѣйствія опредѣляются моею волею и въ этомъ смыслѣ свободны. Такой свободы никто никогда и не отвергалъ; но вопросъ не въ свободѣ нашихъ *дѣйствій*, а въ свободѣ нашей воли. Я дѣлаю то, что хочу, но могу-ли я въ каждомъ данномъ случаѣ хотѣть что-нибудь другое, нежели то, что въ дѣйствительности хочу?“ ¹⁾

Въ самомъ дѣлѣ, что разумѣютъ, когда говорятъ, что воля человѣка свободна?—разумѣютъ, что человѣкъ можетъ въ каждый данный моментъ сдѣлать не только то, что желаетъ, но и что-либо другое; а поскольку дѣйствія человѣка производятся отъ его воли, то когда говорятъ, что человѣкъ можетъ сдѣлать что-либо другое, кромѣ того, что онъ желаетъ въ каждый данный моментъ, — этимъ самымъ утверждаютъ, что онъ можетъ хотѣть иначе, чѣмъ желаетъ въ данный моментъ; и всякій по собственному опыту знаетъ, что наши стремленія по своей напряженности и по отношенію къ тѣмъ объектамъ, на которые бываютъ направлены, постоянно измѣняются. Мы можемъ желать чего-либо и—не желать, болѣе или менѣе желать, желать того или другого.

Но и это понятіе о свободѣ воли, какъ возможности хотѣть иначе, чѣмъ человѣкъ хочетъ въ каждомъ данномъ случаѣ, взятое въ своемъ общемъ значеніи, не исключаетъ возможности сравнить движеніе нашей воли съ механическимъ движеніемъ, напр., матеріальной точки, а въ такомъ случаѣ, конечно, не можетъ быть рѣчи о свободѣ. Вѣдь, и всякое матеріальное тѣло можетъ двигаться и не двигаться, двигаться такъ или иначе, — скорѣе или медленнѣе, измѣнять направленіе своего движенія: для этого нужно только дѣйствіе на тѣло какой-нибудь внѣшней силы. И на нашу душу дѣйствуютъ возбужденія отъ внѣшняго міра: это доказываютъ намъ наши ощущенія и воспоминанія. Можетъ быть отъ этихъ воздѣйствій и зависеть то, что направленіе нашей воли не всегда себѣ самому равно? Если такъ, то очевидно, свободу должно считать иллюзіей. Слѣдовательно, понятіе о свободѣ воли, поскольку понятіе это противопоставляется понятію о механической необходимости, требуетъ.

¹⁾ Вл. Соловьевъ: „Критика отвлеченныхъ началъ“, стр. 82.

чтобы измѣненія въ направленіи нашихъ желаній признавались не зависящими отъ внѣшнихъ причинъ.

Понимаемая въ этомъ смыслѣ свобода находитъ подтвержденіе въ сознаніи. Въ самомъ дѣлѣ, когда человѣкъ утверждаетъ, что *онъ* можетъ начинать рядъ дѣйствій, то этимъ онъ говоритъ, что дѣйствія его не вынуждаются какой-либо внѣшней необходимостью; когда утверждаетъ, что *онъ* можетъ прерывать рядъ своихъ дѣйствій, то этимъ говоритъ, что измѣненія въ направленіи его хотѣній зависятъ не отъ какой-либо внѣшней силы. На этомъ основаніи мы можемъ опредѣлить свободную волю, какъ волю, не зависящую въ своемъ направленіи отъ *внѣшнихъ принужденій*.

Но и это опредѣленіе въ сущности—не полно и потому недостаточно; можно мыслить волю хотя и независящею отъ внѣшнихъ причинъ, но поставленною въ тѣсную неизмѣнную связь съ причинами внутренними; различные акты воли можно представлять въ такой зависимости отъ внутреннихъ психическихъ состояній, которая совершенно будетъ исключать возможность какихъ-бы то ни было свободныхъ дѣйствій. Напр., Лейбницъ и Вольфъ, признававшіе, что воля можетъ быть независима отъ прямыхъ вліяній внѣшняго міра, но за то всецѣло зависитъ въ своихъ рѣшеніяхъ отъ такого или инаго исхода борьбы между внутренними мотивами, Бенеке и Гербартъ, допускавшіе независимость воли отъ прямыхъ внѣшнихъ воздѣйствій, но зато признававшіе, что дѣйствія ея не составляютъ исключенія въ ряду другихъ психическихъ актовъ, надъ которыми законъ причинности господствуетъ во всей своей строгости,—не безъ основанія причисляются къ детерминистамъ. Слѣдовательно, къ понятію свободы должно присоединить признакъ независимости и отъ *внутреннихъ психическихъ состояній*. Въ самомъ дѣлѣ, предположеніе строгой внутренней причинной зависимости между актами воли и другими психическими состояніями не оправдывается свидѣтельствомъ непосредственнаго сознанія человѣка: человѣкъ, совершивъ вчера изв. поступокъ и сегодня раскаяваясь въ немъ, сознаетъ, что онъ *могъ-бы* его не совершить, сознаетъ, слѣд., что поступокъ этотъ вовсе не былъ *неизбѣженъ* при его вчерашнемъ психическомъ состояніи. Мы не изслѣдуемъ и не намѣрены изслѣдовать, можно-ли этому свидѣтельству

сознанія приписать полную объективную достовѣрность. Намъ важно только установить понятие о свободной волѣ, которое стояло-бы въ согласіи съ непосредственнымъ чело-вѣческимъ сознаніемъ.

Итакъ, свобода воли есть ея независимость отъ *всякой* необходимости, будь эта необходимость вѣшняя—принужденіе (*coactio*), или внутренняя—естественная необходимость (*necessitas naturalis*), т. е. исходящее изъ природы чело-вѣка опредѣленіе его воли къ извѣстной дѣятельности, исклю-чающее ея (воли) самоопредѣленіе.

Такимъ образомъ, въ пониманіи свободы мы становимся на сторону тѣхъ, которые противоплагаютъ свободу при-чинности. Отрекаться отъ такого пониманія, считать его плодомъ неправильнаго взгляда на разумную нравственную свободу чело-вѣка, нѣтъ основаній, потому что, съ одной сто-роны, между причинностью и безпричинностью (*duo contra- dictoria tertium non datur*, предполагать же причинность въ актахъ воли значитъ считать ихъ необходимыми, а съ дру-гой,—сдѣланное нами опредѣленіе беретъ свободную волю, такъ сказать *an und für sich*, безъ отношенія ея къ разуму и нравственному чувству. Да и, вообще всѣ подобныя за-явленія, что „свободная воля чело-вѣка не есть безпричин- ный произволъ, мѣтко охарактеризованный на обыденномъ языкѣ именемъ самодурства“, и т. п. на нашъ взглядъ суть не болѣе, какъ продуктъ какой-то странной боязливой недовѣрчивости къ пониманію противниковъ. Чело-вѣку го-ворятъ: „ты смотришь на дѣло такъ то; этотъ взглядъ—не-основателенъ“... Въмѣсто того, чтобы отстаивать правильность своего взгляда, онъ обыкновенно спѣшитъ заявить: „я во- все такъ не смотрю, такое пониманіе дѣла дѣйствительно было-бы нелѣпостью и пр.“

Итакъ, свобода воли есть способность къ самоопредѣле-нію; рѣшенія свободной воли не имѣютъ *никакой* иной при-чины, кромѣ самой воли. Противъ такого именно представ-ленія свободной воли и возставали детерминисты всѣхъ вѣковъ, ¹⁾ при чемъ одни старались доказать, что понимае-мая въ этомъ смыслѣ, свобода есть нелѣпѣйшая изъ фик-

1) Vgl. *Schaarschmidt*, „Zur Widerlegung des Determinismus“ въ „*Philosophische Monatshefte*“, 1884. XX Bd. S. 194.

цій, что всякое дѣйствіе должно имѣть причину и т. п.; разборъ этихъ основаній принадлежитъ метафизикѣ. Другіе старались найти фактическое опроверженіе такой свободы и указывали на зависимость человѣческихъ дѣйствій отъ опредѣленныхъ мотивовъ, обуславливающихъ взаимодействіемъ вѣншей среды и опредѣленнаго характера чело-вѣка; изслѣдовать эти основанія должна психологія.

Итакъ, свобода воли и причинная обусловленность всѣхъ человѣческихъ поступковъ суть вещи *несовмѣстимыя*. Спасти свободу воли ¹⁾ можно только признаніемъ, что не всѣ акты

¹⁾ Мы намѣренно подчеркиваемъ, что говоримъ именно о свободѣ воли, а не чего либо другого. Мы видѣли, что П. П. Соколовъ, признавая понятія свободы и причинности взаимно исключаящими другъ друга, призналъ дѣйствія воли нигдѣ не изъятими отъ причинной зависимости. Это есть открытое провозглашеніе *детерминизма воли*. Но причины, обуславливающія волю,—поставляемая человѣческимъ разумомъ жизненные цѣли,—сами обусловлены уже не кавзально въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова (изъ своихъ antecedentовъ), а логически. По отношенію къ цѣли физическихъ, физиологическихъ, психологическихъ и социальныхъ причинъ дѣятельность мышленія именно въ своихъ логическихъ операціяхъ является автономной; она, напротивъ, сама вводитъ въ эту цѣль новые факторы (цѣли), становящіеся причинами рѣшеній воли. Такимъ образомъ, вмѣсто свободы воли собственно слѣдуетъ говорить о *свободѣ мысли*. Мы отнюдь не намѣрены вступать въ какую либо полемику съ своимъ достоуважаемымъ коллегой. Напротивъ, мы признаемъ его разрѣшеніе антиноми свободы и причинности весьма остроумнымъ и съ психологической точки зрѣнія удачнымъ. Можетъ быть, современемъ болѣе глубокое изученіе человѣческой душевной жизни покажетъ, что и дѣйствительно о свободѣ воли надо перестать говорить, а вмѣсто того признать лишь автономность мышленія, отъ котораго въ концѣ концовъ зависятъ рѣшенія воли. Самосознаніе, свидѣтельствующее намъ о нашей свободѣ, можетъ найти въ этомъ свое удовлетворительное истолкованіе. Но, во всякомъ случаѣ, въ настоящее время эта замѣна одной проблемы другою далеко не можетъ претендовать на общее признаніе. Точно также и автономность мышленія навѣрное не всякій согласится признать какъ разъ именно тѣмъ, о чемъ намъ свидѣлствуетъ наше сознаніе своей свободы. Вѣдь и здѣсь, чтобы чувство свободы и отвѣтственности не оказывалось простой иллюзіей, надо допустить, что чело-вѣкъ при данныхъ обстоятельствахъ могъ бы мыслить иначе, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ мыслитъ. Поэтому то мы и хотимъ, пока вопросъ о свободѣ *именно воли* въ философіи еще не снятъ съ очереди, *изслѣдовать условія правильного рѣшенія этого вопроса*. Это отнюдь не значитъ, что мы хотимъ *дать такое рѣшеніе*. Мы считали необходимымъ только выяснитъ понятіе о свободѣ воли, его отношеніе къ понятію причинности, значеніе идеи

воли причинно обусловлены и, слѣд., необходимы: что бы-ваютъ случаи, когда условія не имѣютъ для воли опредѣляющаго значенія, когда рѣшенія ея совершенно независимы отъ своихъ психологическихъ условій, хотя бы по содержанию своему и совпадали (они могутъ одинаково и совпадать и не совпадать) съ тѣмъ, къ чему влекутъ условія. Вотъ здѣсь то социологъ и историкъ дѣйствительно подпадаютъ чрезвычайно сильному искушенію отвергнуть свободу воли, какъ помѣху къ научному разрѣшенію своихъ задачъ. Закрывать глаза на это затрудненіе или какъ нибудь его затушевывать отнюдь не слѣдуетъ. Надо открыто признать его и ставить вопросъ прямо: *надо ли пожертвовать всеобщностью закона причинности и, слѣдовательно, отказаться отъ научнаго изслѣдованія социальныя и историческія процессовъ? или лучше пожертвовать свободой воли?* При одной такой постановкѣ вопроса, можно заранѣе и чѣмъ угодно ручаться, что и историкъ и социологъ предпочтутъ отказаться отъ свободы воли, если только философскій интересъ не перевѣситъ въ ихъ глазахъ интереса ихъ наукъ. Но то, что еще дозволительно для историка и социолога, — совершенно неумѣстно для философа. Для него этотъ *argumentum ab utili* не можетъ имѣть никакой цѣны. Онъ долженъ критически изслѣдовать принципы и понятія, догматически принимаемая спеціальными науками. Посмотримъ же, что можетъ сдѣлать философія для свободы воли, поставленной въ такой явный и опасный для нея антагонизмъ съ исторической и социальной закономерностью.

Намъ думается, что признаніе закона причинности необходимымъ методологическимъ предположеніемъ всякаго научнаго изслѣдованія еще не обязываетъ насъ къ признанію его объективнаго или гносеологическаго значенія во всемъ объемѣ его притязаній. Съ другой стороны, и простое признаніе свободы воли еще ничего не говоритъ о тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ эта свобода встрѣчается на практикѣ. Этими двумя соображеніями уже намѣчается путь къ компромиссу между кавзальнымъ объясненіемъ человѣческой дѣятельности (столь необходимымъ для науки) и призна-

---

причинности, значеніе свободной воли, *если она существуетъ*, для социологической и исторической науки и т. п.

ніемъ свободы воли; только компромиссъ здѣсь будетъ достигаться не искаженіемъ понятій, какъ въ другихъ случаяхъ, а лишь разграниченіемъ сферъ ихъ реального значенія. Въ интересахъ науки,—чтобы свобода воли, если она существуетъ, или *не проявлялась бы совсѣмъ*, или проявлялась бы въ такихъ *минимальныхъ размѣрахъ*, которыми при извученіи массовыхъ процессовъ можно было бы пренебречь. Въ интересахъ *индетерминизма*,—чтобы законъ причинности не обладалъ такими всеобщностью и необходимостью, которыя бы дѣлали *абсурдомъ* самую мысль о возможности безпричинныхъ дѣйствій.

Въ какой мѣрѣ можетъ быть удовлетворенъ каждый изъ этихъ интересовъ?

Что касается интересовъ науки, то разсмотрѣніе тѣхъ реальныхъ условий, въ которыхъ могла бы проявляться свобода воли, показываетъ, что эти интересы индетерминизмомъ нарушаются дѣйствительно чрезвычайно мало. Свобода воли не есть, такъ сказать, творчество изъ ничего, а лишь свобода выбора между предстоящими сознанию возможностями дѣйствія. Генезисъ этихъ представлений—всецѣло во власти науки, потому что они суть естественный продуктъ психологическихъ условий лица. Затѣмъ, столь-же психологически естественны тѣ чувства, какія возникаютъ вслѣдъ за сдѣланнымъ свободнымъ рѣшеніемъ отъ подавленія однихъ мотивовъ и удовлетворенія другихъ; — это опять достояніе науки. Такимъ образомъ, потребность науки разсматривать человѣка, какъ машину, достаточно удовлетворяется уже и при такомъ представленіи дѣла. Пертурбація, производимая въ научныхъ выкладкахъ психолога этимъ вмѣшательствомъ свободы, гораздо меньше той, какую, на примѣръ, производятъ въ расчетахъ агронома непредвидѣнные климатическія явленія, обычныя ¹⁾ опустошенія птицъ, червей, насекомыхъ и т. п. Если затѣмъ прибавить, что вмѣшательство свободы далеко не есть неизбѣжный ингредиентъ психического процесса, приводящаго къ извѣстному поступку, и что въ большинствѣ случаевъ люди дѣйствуютъ, подчиняясь сильнѣйшему мотиву, — то окажется, что интересы науки

¹⁾ Но не опредѣлимая со стороны своихъ точныхъ размѣровъ, а лишь со стороны максимальныхъ.

страдаютъ и еще менѣе. Это невмѣшательство свободы происходитъ или отъ нерадѣнія человѣка, или отъ слабости его воли, не могущей противостоять силѣ мотивовъ ¹⁾. Послѣдній случай имѣетъ мѣсто прежде всего у дѣтей, которыя всегда — рабы своихъ влеченій, у дикарей и мало развитыхъ людей, затѣмъ у людей съ сильно выраженнымъ темпераментомъ и, наконецъ, у разнаго рода душевно-больныхъ. Кромѣ всѣхъ этихъ формъ ограниченія свободы есть еще одна, имѣющая весьма важное значеніе, — это опредѣленность характера. Характеръ мы понимаемъ, какъ сумму привычекъ къ извѣстнымъ дѣйствіямъ или извѣстнымъ способамъ дѣйствія. Привычка—чѣмъ старѣе, тѣмъ сильнѣе. И существуетъ въ развитіи ея моментъ, когда она

---

¹⁾ Волю въ этомъ случаѣ съ удобствомъ можно представлять себѣ, какъ нѣкоторый quantum силы, соизмѣримой съ силою мотивовъ, которые она можетъ ослаблять или усиливать, смотря по принимаемому ею направленію. Дѣйствіе этой силы на мотивы можно представлять или непосредственнымъ, или посредствуемымъ представленіями, которыя она для большаго успѣха вызываетъ себѣ на помощь. Мы не стоимъ за вѣрность этого представленія, а только за его удобство. Мы полагаемъ бы возможнымъ также для иллюстраціи своего взгляда на волю и ея свободу воспользоваться одной аналогіей извѣстнаго психолога Джемса. Признавая существенной принадлежностью волевого акта усиліе при выборѣ между мотивами, онъ замѣчаетъ, что „при волевомъ усиліи намъ кажется, будто въ каждую минуту мы могли бы сдѣлать усиліе большимъ или меньшимъ сравнительно со сдѣланнымъ нами въ дѣйствительности“. Съ этимъ показаніемъ самосознанія стоитъ въ связи и его постановка вопроса о свободѣ воли. „Другими словами, говорить онъ намъ кажется, будто усиліе не находится въ постоянной зависимости отъ величины сопротивленія, которое оказываетъ извѣстный объектъ нашей воли; будто по отношенію къ окружающимъ обстоятельствамъ (къ нашимъ мотивамъ, къ складу нашего характера и проч.) оно представляетъ то, что на математическомъ языкѣ называется „независимой переменной“. Если степень нашего усилія представляетъ на самомъ дѣлѣ независимую переменную въ отношеніи къ окружающимъ условіямъ, то наша воля, какъ говорится, свободна. Если же, наоборотъ, степень усилія есть вполне опредѣленная функція, если мотивы, которые должны вліять опредѣленнымъ, вполне точнымъ образомъ на наше усиліе, оказывающее имъ равное противодѣйствіе, если эти мотивы были предопредѣлены отъ вѣчности, то воля наша несвободна, и всѣ наши дѣйствія обусловлены предшествующими дѣйствіями“ (*У Джэмса, Психологія. Пер. Лапина. 1896. Стр. 380, ср. 368*). Подробнѣе наши взгляды на свободу воли раскрыты въ разборѣ реферата П. А. Каленова о вѣрѣ и знаніи (Чтен. общ. люб. дух. просв., 1894, VІІ), откуда мы и беремъ настоящія соображенія.

становится неодолимымъ деспотомъ поведенія человѣка. Здѣсь уже иногда человѣкъ даже при самомъ искреннемъ желаніи бываетъ не въ силахъ одолѣть себя. Если мы все это примемъ во вниманіе, то поймемъ, сколь минимальнымъ можетъ быть участіе свободы въ поступкахъ людей. Бѣльшаго удовлетворенія своихъ интересовъ наука, кажется, и желать не въ правѣ, когда апологетамъ свободы приходится отстаивать почти что только ея простое существованіе, а не проявленія (*esse*, а не *operari*, какъ выражается Шопенгауэръ).

Интересамъ *индетерминизма* можетъ служить то утѣшительное соображеніе, что отрицаніе всеобщности причинной связи, сколь ни рѣзко расходится оно, съ требованіями научнаго мышленія, не есть всетаки логическій абсурдъ. Безусловное господство закона причинности надъ областью всего совершающагося въ мірѣ не есть требованіе логики. Логика ни къ чему такому не обязываетъ. Ея прямая задача — опредѣлить законы согласія нашего мышленія съ самимъ собою, а не съ объективной дѣйствительностью: ergo, ни на какія реальныя утвержденія, т. е. на приговоры касательно совершающагося въ мірѣ, она не имѣетъ права. Эта послѣдняя задача принадлежитъ теоріи познанія. Мы, говоря это, не забываемъ, что, на примѣръ, законы тождества и противорѣчія логика разсматриваетъ, какъ имѣющіе силу для объективной дѣйствительности, и потому считаетъ выводы изъ реальныхъ положеній, истинность которыхъ дознана какимъ-либо путемъ ¹⁾, полученные при помощи правилъ, основанныхъ на этихъ двухъ законахъ,— столь-же справедливыми относительно объективной дѣйствительности, какъ и положенія, послужившія основаніями вывода. Но, во-первыхъ, здѣсь мы имѣемъ простой фактъ субъективной необходимости мыслить такъ, а не иначе. Между тѣмъ, сознавая всю эту необходимость, мы можемъ, нисколько *не нарушая требованій логики*, сомнѣваться въ приложимости законовъ тождества и противорѣчія къ вещамъ въ себѣ. Доказательствомъ служить примѣръ философовъ критической школы. Упрекать-же эту школу въ безцеремонномъ поправленіи законовъ логики менѣе всего возможно. А во-вторыхъ, законами тождества и противорѣчія и

1) — только отнюдь не путемъ логическаго анализа.

исчерпывается сумма требованій, которыя логика предъявляетъ къ объективной дѣйствительности, хотя и не считаетъ себя вправѣ быть увѣренной въ ихъ исполненіи. Законъ-же причинности мы вовсе не согласны считать *логическимъ* закономъ мышленія. Логика, по нашему мнѣнію, не имѣетъ рѣшительно никакого права выставлять принципъ, что всякое явленіе имѣетъ свою причину. И мы полагаемъ, что логика нисколько не пострадала-бы, если-бы, этотъ принципъ оказался не вѣрнымъ, т. е. если-бы, напри- мѣръ, законъ причинности не имѣлъ всеобщаго и необходи- маго значенія, а допускалъ-бы исключенія или даже совсѣмъ не имѣлъ приложенія. Если-бы всеобщее необходимое значеніе закона причинности было требованіемъ *логики*, то отрицаніе этого значенія, какъ и всякое отрицаніе прямыхъ логическихъ требованій, должно-бы казаться верхомъ нелѣпости, абсурдомъ; оно свидѣтельствовало-бы о крайне не нормальномъ состояніи умственныхъ способностей мыслителя. А между тѣмъ Юмъ и Милль, два великихъ философа новаго времени, пріобрѣвшихъ себѣ безсмертную славу образцовой ясностью, трезвостью и дѣловитостью мысли, не задумались выступить съ своимъ скепсисомъ по этому вопросу ¹⁾. Уже одно это обстоятельство должно заставить серьезно призадуматься защитниковъ логической природы закона причинности.

Итакъ, пусть методологическимъ принципомъ соціологін и исторіи остается положеніе: *нѣтъ дѣйствія безъ причины*, для подавляюще-превосходящаго большинства явленій этотъ принципъ будетъ совершенно вѣренъ, а проявленія свободной воли,—если они гдѣ и будутъ имѣть мѣсто,—составятъ въ сравненіи съ нимъ ничтожную, можно сказать, исчезающую величину. И это—тѣмъ болѣе, что вѣдь рѣшенія сво-

¹⁾ *Милль* въ своей *Логикѣ* говоритъ, „я убѣжденъ, что всякому, кто привыкъ къ отвлеченію и анализу, захочетъ честно упражнять свои способности для предположенной цѣли и пріучитъ свое воображеніе создавать нужное представленіе,—будетъ не трудно представить себѣ, напри- мѣръ, что въ одной изъ многихъ сферъ, на которыя звѣздная астроно- мія дѣлитъ теперь вселенную, событія могутъ слѣдовать одно за дру- гимъ случайно, безъ всякаго опредѣленнаго закона. Ни въ нашей опыт- ности, ни въ нашей духовной природѣ ничто не представляетъ доста- точной или хоть какой-либо причины вѣрить, чтобъ нигдѣ этого не было“. (Сист. лог., т. II, стр. 91).

чего либо безусловно новаго, не подготовленнаго ходомъ всей предшествующей жизни человѣка; въ нихъ мы имѣемъ лишь *выборъ* между предносящимися сознанию и *подготовленными жизнью* (т. е. рядомъ физическихъ, физиологическихъ, психическихъ и социальныхъ *причинъ*) возможностями поступка при данныхъ обстоятельствахъ; — слѣдовательно, если и нельзя съ точностью предсказать, *какъ именно* поступить въ данномъ случаѣ свободный человѣкъ, то все же число и качество возможныхъ для него поступковъ вполне доступны познающему уму.

Последнее обстоятельство дѣлаетъ возможнымъ примѣненіе здѣсь *теоріи вѣроятностей*: равновѣроятность, несомвѣстимость и всевозможность (ср. стр. 345, пр.), очевидно, даны при каждомъ актѣ индивидуальнаго свободнаго выбора. Задача, разрѣшаемая при помощи теоріи вѣроятностей, можетъ быть задана какъ относительно индивидуума, такъ и относительно болѣе или менѣе значительной группы ихъ (общества). Если, напр., при данныхъ обстоятельствахъ извѣстный индивидуумъ А можетъ совершить m поступковъ, въ числѣ которыхъ есть поступокъ В, то при совершенно свободномъ выборѣ, не обусловленномъ какимъ либо мотивомъ, вѣроятность, съ какою можно отъ индивидуума А ожидать поступка В, $= \frac{1}{m}$. Варіировать и осложнять эту задачу можно множествомъ способовъ: можно предположить, что въ жизни даннаго индивидуума А такія обстоятельства повторяются извѣстное число разъ въ изв. промежутокъ времени; можно представить, что въ обществѣ, состоящемъ изъ a индивидуумовъ, b индивидуумовъ находятся въ обстоятельствахъ, свободной воли лишь *независимы* отъ мотивовъ, но отнюдь не должны непременно состояться *вопреки* мотивамъ. Добрая половина свободныхъ дѣйствій — таковы, что по существу совпадаютъ съ дѣйствіями, къ которымъ влекли сильнѣйшіе мотивы, т. е. человѣкъ весьма часто свободно поступаетъ такъ же, какъ поступилъ бы онъ, если бы и не проявлялъ своей свободы, а просто поступилъ по сильнѣйшему мотиву; въ этомъ случаѣ характеръ своего поступка (свободный или несвободный) знаетъ только самъ человѣкъ, а для посторонняго наблюдателя ничего болѣе не остается, какъ только объяснять его изъ мотивовъ, т. е. причинно. Да и остальные то свободныя рѣшенія вѣдь не создаютъ

при которыхъ каждый изъ нихъ могъ бы, подобно А въ приведенномъ выше примѣрѣ, совершить поступокъ В съ вѣроятностью $= \frac{1}{m}$ и т. д. Каждое изъ этихъ предположеній содержитъ данныя для постановки вопросовъ, разрѣшаемыхъ при помощи теории вѣроятностей.

Какъ видимъ, предлагаемая нами поправка къ воззрѣнiямъ П. А. Некрасова на свободу воли не только не мѣшаетъ признанiю законности социальныхъ процессовъ и, слѣдовательно, примененiю къ ихъ изученiю теории вѣроятностей, но еще открываетъ для послѣдней новую сферу приложения: теорiя вѣроятностей, оказывается, можетъ, говоря словами автора, „перелазить на счеты“ не только дѣйствiя той свободы воли, какую онъ признаетъ, но и свободы болѣе радикальной, понимаемой въ смыслѣ безпричиннаго выбора. А если такъ, то социологiя и исторiя, признающiя законность въ массовыхъ проявленiяхъ человѣческой дѣятельности, получаютъ уже полную сатисфакцiю, потому что свобода воли *перестаетъ въ какомъ бы то ни было смыслѣ нарушать законность* социальныхъ процессовъ: законности, основанную на принципѣ причинности, свобода почти не нарушаетъ вслѣдствiе крайне малаго числа случаевъ, когда она можетъ проявляться; а тѣ случаи, когда она предположительно проявляется, всетаки не ускользаютъ отъ учета при помощи теории вѣроятностей и, стало быть, въ массовомъ процессѣ *даже и продукты свободы слагаются въ нечто законное*.

Та свобода, которую признаетъ и защищаетъ П. А. Некрасовъ, не есть свобода воли, а частiю свобода дѣйствiя, частiю же свобода личности. Но, во всякомъ случаѣ, и этой защитой онъ оказываетъ весьма цѣнную услугу какъ социологiи, статистикѣ и исторической наукѣ, — настаивая на реальномъ значенiи въ массовыхъ проявленiяхъ человѣческой дѣятельности психическихъ факторовъ, игнорируемыхъ социологами и историками материалистическаго направленiя (см. выше, стр. 380, N 2), — такъ и идеалистической философи.

П. Тихомировъ.

1903 г. 19 февраля.